

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
КАФЕДРА ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ И
ПРЕДМЕТНЫХ МЕТОДИК

Организация неформальной занятости студентов профессиональной
образовательной организации с учетом контекстных семейных и
территориальных факторов

Выпускная квалификационная работа по направлению
44.04.04 Профессиональное обучение (по отраслям)
Направленность программы магистратуры
«Менеджмент профессионального образования»
Форма обучения заочная

Проверка на объем заимствований:

98 % авторского текста

Работа рекомендована к защите

«19» 12 2026 г.

Зав. кафедрой ПИПО и ПМ

 Корнеева Н.Ю.

Выполнил:

Студент группы ЗФ-309-174-2-1

Ярушина Юлия Владимировна

Научный руководитель:

д.п.н., профессор

Савченков Алексей Викторович

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ СТУДЕНТОВ СПО В КОНТЕКСТЕ СЕМЕЙНЫХ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ	9
1.1. Неформальная занятость: понятие, виды, функции.....	9
1.2. Особенности неформальной занятости студентов СПО и влияние на нее контекстных семейных и территориальных факторов.....	20
1.3. Опыт организации поддержки неформальной занятости в России и за рубежом и ее интеграции в образовательную среду СПО.....	31
ГЛАВА 2 ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ СТУДЕНТОВ СПО С УЧЁТОМ КОНТЕКСТНЫХ ФАКТОРОВ НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КОРКИНСКОГО ФИЛИАЛА ГБПОУ «ЧГКИПИТ».....	44
2.1. Методология, организация и результаты эмпирического исследования.....	44
2.2. Разработка модели контекст-адаптивной поддержки неформальной занятости на примере Коркинского филиала ГБПОУ «ЧГКИПИТ».....	54
2.3. Практические рекомендации для педагогических коллективов колледжей по поддержке неформальной занятости студентов.....	69
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	78
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	85
ПРИЛОЖЕНИЯ	93

ВВЕДЕНИЕ

Современная социально-экономическая реальность Российской Федерации обуславливает устойчивый рост неформальной занятости среди молодёжи, в том числе среди обучающихся в организациях среднего профессионального образования (СПО). По данным Росстата (2024), доля студентов СПО, совмещающих обучение с трудовой деятельностью вне официального трудоустройства, достигает 38–42% в регионах с низким уровнем формальной занятости, особенно в малых городах и сельской местности. Эта тенденция носит двойственный характер: с одной стороны, неформальная занятость выступает как механизм обеспечения финансовой самостоятельности, адаптации к рынку труда и формирования практических компетенций (коммуникативных, организационных, предпринимательских); с другой — несёт риски перегрузки, снижения академической успеваемости, профессионального выгорания и утраты мотивации к дальнейшему обучению. В условиях, когда студенты СПО вступают в трудовую деятельность уже на ранних этапах освоения профессии, становится критически важным не запрещать или игнорировать неформальную занятость, а – педагогически и организационно – направлять её в конструктивное русло, учитывая жизненный контекст обучающихся. Все это определяет актуальность данного исследования.

Степень научной разработанности темы демонстрирует явный дисбаланс: в российской научной литературе доминируют экономико-статистические и социологические исследования неформального сектора (труды В.В. Глущенко, Л.А. Рудницкой, А.В. Паниной, а также аналитические отчёты ВШЭ, РАНХиГС), фокусирующиеся на масштабах, законодательных пробелах и социально-экономических последствиях. В педагогической науке, напротив, наблюдается существенный пробел: отсутствует систематизация педагогических подходов к организации неформальной занятости как образовательного ресурса; почти не

исследовано влияние контекстных факторов – прежде всего семейных (социально-экономический статус, семейные трудовые традиции, миграционный опыт) и территориальных (тип поселения, инфраструктурная обеспеченность, региональная экономическая специализация) — на выбор, устойчивость и содержательную наполненность форм неформальной занятости студентов СПО. Между тем, именно эти факторы определяют, будет ли подработка временной вынужденной мерой или станет этапом осознанного профессионального становления.

Цель исследования — разработать педагогически обоснованную модель организации неформальной занятости студентов СПО, интегрирующую диагностику и учёт контекстных семейных и территориальных факторов.

Объектом данного исследования выступает процесс организации неформальной занятости студентов среднего профессионального образования.

Предмет исследования – влияние контекстных семейных (включая социально-экономический статус семьи, систему ценностей, миграционный статус родителей) и территориальных факторов (тип населённого пункта, уровень развития транспортной и цифровой инфраструктуры, специфика региональной экономики) на формы, содержание и устойчивость неформальной занятости студентов СПО.

В качестве рабочей гипотезы выдвигается следующее предположение: если при организации неформальной занятости студентов СПО учитывать контекстные семейные и территориальные факторы, то повышается её продуктивность, снижаются риски эмоционального выгорания и дезадаптации, а также это способствует более осознанному профессиональному самоопределению и формированию устойчивых компетенций.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

– проанализировать научные подходы к пониманию неформальной занятости в контексте среднего профессионального образования;

– выявить, систематизировать и классифицировать семейные и территориальные факторы, влияющие на выбор, интенсивность и образовательную отдачу неформальной занятости;

– провести эмпирическое исследование (с использованием анкетирования, полуструктурированных интервью и кейс-стади) в двух колледжах с различными территориальными характеристиками — городском и сельском/моногородском;

– на основе полученных данных разработать педагогически обоснованные рекомендации и инструменты по интеграции поддержки неформальной занятости в образовательную среду СПО (включая наставничество, рефлексивное сопровождение, фиксацию опыта в портфолио и дневнике практики).

В исследовании применяется комплекс методов:

– теоретический анализ и сравнительный анализ научной литературы;

– эмпирические методы: анкетирование студентов, полуструктурированное интервью с обучающимися, преподавателями и администрацией, кейс-стади (анализ индивидуальных траекторий);

– контент-анализ нормативных и отчётных документов колледжей;

– SWOT-анализ возможностей интеграции неформальной занятости в образовательный процесс.

База исследования – Коркинский филиал ГБПОУ «Челябинский государственный колледж индустрии питания и торговли» (ЧГКИПиТ) как репрезентативный кейс моногорода с ограниченным формальным рынком труда и высокой концентрацией студентов из социально уязвимых семей.

Для сравнительного анализа дополнительно включены данные по Челябинским филиалам того же колледжа (городская агломерация с развитой инфраструктурой и крупными работодателями). Исследование охватывало студентов 2–4 курсов (2025–2026 гг.).

Этапы исследования:

Подготовительный (январь – февраль 2025): анализ научной и нормативной базы, разработка диагностического инструментария (анкета, гайды интервью, карта профильной неформальной активности), согласование с администрацией филиалов, пилотное тестирование.

Эмпирический (март 2025 – сентябрь 2025): сбор и первичная обработка данных; организация фокус-групп; внедрение экспериментальных элементов (рефлексивный дневник, шаблон портфолио квазипрофессиональной деятельности).

Аналитико-конструктивный (сентябрь 2025): интерпретация данных, верификация гипотез, разработка модели контекст-адаптивной поддержки, апробация рекомендаций в рамках пилотного проекта (Коркинский филиал).

Обобщающий (октябрь – ноябрь 2025): оформление результатов, подготовка методических материалов, завершение внедрения.

На защиту выносятся следующие основные положения:

Неформальная занятость студентов СПО – не маргинальная, а контекстуально обусловленная стратегия адаптации, содержание и продуктивность которой определяются совокупностью семейных (социально-экономический статус, ценности, миграционный опыт) и территориальных (тип поселения, инфраструктурные ограничения, экономическая специализация региона) факторов.

Педагогическая эффективность неформальной занятости достигается не её формализацией как таковой, а через контекст-адаптивную поддержку, включающую диагностику жизненного фона студента, индивидуальное наставничество, рефлексивное сопровождение и верификацию опыта в рамках образовательной траектории.

Разработанная и апробированная в условиях моногорода модель организации неформальной занятости студентов СПО представляет собой систему взаимосвязанных компонентов:

- диагностический (анкета контекста, карта профильной активности);
- сопроводительный (наставничество, тренинги по эмоциональному выгоранию, цифровое портфолио);
- легитимационный;
- интегративный (включение опыта в образовательное пространство колледжа).

Научная новизна работы заключается в:

- введении в научный оборот понятия «контекст-адаптивной поддержки неформальной занятости» как педагогической категории;
- выявлении и верификации специфических корреляций между семейными/территориальными характеристиками студентов СПО и формами их неформальной занятости;
- разработке оригинальной модели педагогического сопровождения, сочетающей диагностику контекста, индивидуальное наставничество и инструменты фиксации опыта (рефлексивный дневник, цифровое портфолио).

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью внедрения его результатов в деятельность образовательных организаций СПО: предложенные рекомендации, методические инструменты (включая адаптированные под цифровую среду форматы, например, на базе «VK-доски») и модель сопровождения могут быть использованы кураторами, преподавателями и администрацией для повышения эффективности образовательной среды, снижения отсева и усиления связи обучения с реальными жизненными и профессиональными запросами обучающихся — особенно в регионах с ограниченными возможностями формального трудоустройства.

Внедрение результатов исследования реализовано в следующих формах:

– в Коркинском филиале ЧГКИПИТ утверждена и внедрена в 2025 г. Методика сопровождения квазипрофессиональной деятельности студентов, включающая:

– диагностику семейного и территориального контекста при поступлении на 1 курс;

– индивидуальный план развития (ИПР) с учётом форм занятости;

– рефлексивный дневник практики с рубриками «Опыт», «Риски», «Чему научился», «Как можно улучшить»;

– цикл тренингов «Психоэмоциональная устойчивость при совмещении учёбы и работы».

– Скорректирован спецкурс «Основы предпринимательской деятельности для студентов СПО» (36 ак. ч.), включающий модули по НПД, СанПиН для домашних производств, расчёту рентабельности, защите проектов.

– На основе исследования подготовлены методические рекомендации для кураторов и преподавателей по выявлению и легализации неформальной занятости, утверждённые педагогическим советом колледжа.

Структура работы соответствует логике исследования и включает введение, две главы, заключение, список литературы и приложения. Первая глава носит теоретический характер и раскрывает концептуальные основы неформальной занятости студентов СПО с акцентом на контекстные факторы. Вторая глава представляет эмпирическое исследование и содержит обоснование разработанной модели организации неформальной занятости, а также практические рекомендации для образовательной практики.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ СТУДЕНТОВ СПО В КОНТЕКСТЕ СЕМЕЙНЫХ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ

1.1. Неформальная занятость: понятие, виды, функции

Термин «занятость» долгое время трактовался преимущественно в узкоэкономическом ключе – как факт участия в производстве товаров и услуг, подтверждённый трудовым договором и включённый в систему налогообложения и социального страхования (Безносикова, 2020). Классическое определение, закреплённое в ст. 2 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации» (№ 1032-1 от 19.04.1991), гласит: «Занятость — это деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству РФ и приносящая, как правило, им заработок, трудовой доход».

Однако в условиях трансформации рынка труда, распространения гибких форм занятости и роста роли человеческого капитала в экономике знаний, понятие *underwent* семантическое расширение. Современные исследователи (Новикова, 2022; Ткаченко, 2023; ILO, 2021) подчёркивают, что занятость — это не только экономическая, но и социальная, образовательная и идентификационная категория, отражающая:

- степень вовлечённости человека в социально значимую деятельность
- уровень реализации профессионального потенциала;
- устойчивость позиции на рынке труда;
- способность к адаптации и развитию в меняющихся условиях.

Для студентов СПО, находящихся на стадии профессионального становления, понятие занятости приобретает дополнительное измерение — учебно-профессиональное. Здесь занятым считается не только тот, кто работает за вознаграждение, но и тот, кто осуществляет целенаправленную деятельность по освоению и применению профессиональных компетенций, включая:

- учебную и производственную практику;
- проектную и исследовательскую работу;

- квазипрофессиональную деятельность (изготовление изделий, оказание услуг по специальности);
- волонтерство в профессионально релевантных сферах.

Этот подход находит отражение в современных нормативных актах. Так, в ФГОС СПО-4 (приказ Минпросвещения № 457 от 22.04.2022) прямо указано, что результаты освоения ППССЗ должны включать готовность к осуществлению профессиональной деятельности, а также опыт её реализации – в том числе в условиях, приближённых к реальным (п. 3.4.3). При этом под «реальными условиями» понимаются не только стажировки на предприятиях, но и учебно-производственные проекты, студенческие предприятия, кейсы с участием работодателей (Методические рекомендации Минпросвещения, 2024).

Для студента СПО занятость – это:

практика применения знаний: переход от абстрактных рецептов к реальному производству блюд, от теоретических расчётов к калькуляции себестоимости;

развитие hard и soft skills: работа с оборудованием, соблюдение СанПиН, расчёт калорийности – это hard skills; тайм-менеджмент, клиентский сервис, разрешение конфликтов – soft skills;

профессиональное самоопределение: «проба профессии» позволяет осознанно выбрать профильную специализацию (напр., кондитер vs. повар-технолог) или отказаться от неё до выпуска;

формирование портфолио: фотографии изделий, отзывы заказчиков, копии договоров (даже ГПД), сертификаты участия в фестивалях – становятся основой для защиты ВКР и трудоустройства.

Исследования показывают: студенты, вовлечённые в профессионально значимую занятость (даже неформальную, но рефлекслируемую), на 37% чаще получают предложения о трудоустройстве до окончания колледжа (Минпросвещения РФ, 2024).

Для депрессивных территорий (в т.ч. моногородов, таких как Коркино) студенческая занятость — не просто личная стратегия, а локальный экономический ресурс:

- молодые люди остаются в городе, не уезжая на заработки;
- формируются микрокластеры: «студент-повар → домашняя кухня → локальный бренд → фуд-корт на ярмарке»;
- растёт налоговая база (при переходе в самозанятость/ИП);
- снижается социальная напряжённость и зависимость от соцподдержки.

Существующие классификации (Чуприянова, 2020; Панина, 2023) часто ограничиваются дихотомией формальная/неформальная. Однако для анализа в контексте СПО требуется более тонкая дифференциация, учитывающая:

- степень формализации (наличие договора, регистрации, отчислений);
- уровень профессиональной релевантности (соответствие осваиваемой специальности);
- характер педагогической поддержки (наличие наставничества, рефлексии, верификации);
- продолжительность и интенсивность вовлечённости.

На основе анализа 12 фокус-групп (n=144 студента СПО УрФО, 2024) и мониторинга Минпросвещения (2024) предложена следующая типология занятости студентов СПО, структурированная по пяти кластерам:

Учебно-профессиональная занятость (формальная, интегрированная в ОП)

Характеристики: обязательная, оплачиваемая/безвозмездная, в рамках УП, с сопровождением преподавателя-наставника, верификацией и включением в портфолио.

Примеры:

Учебная и производственная практика с оформлением по ТК РФ (ст. 282) или ГПД;

Участие в студенческих отрядах профессиональной направленности («Повар», «Кондитер», «Парикмахер»);

Работа в учебно-производственных мастерских/столовых колледжа;

Реализация ВКР в форме реального заказа от работодателя.

Доля среди студентов УрФО: 89% (обязательная практика), 31% — с оплатой (Минпросвещения РФ, 2024).

Формальная совмещающая занятость (вне УП, но легальная)

Характеристики: трудоустройство по ТК РФ/ГПД с юрлицом или ИП, уплата налогов, соцгарантии. Не связана напрямую с УП, но может быть профильной.

Примеры:

Работа поваром-стажёром в кафе по совместительству;

Раздача листовок (непрофильная, но легальная);

Участие в программе «Молодёжная практика» при ЦЗН.

Особенность: часто конфликтует с учебной нагрузкой; требует гибкого графика (что редко обеспечивается).

Доля: 24% студентов СПО (18–24 лет), из них 61% — профильная (ВЦИОМ, 2025).

Легализованная неформальная (предпринимательская проба) (полуформальная, с государственной регистрацией)

Характеристики: использование статуса самозанятого или ИП без наёмных работников, уплата НПД, соблюдение отраслевых норм (напр., СанПиН при приготовлении пищи).

Примеры:

Продажа домашней выпечки по предзаказу (с регистрацией как самозанятый и сертификатом по СанПиН);

Онлайн-репетиторство по кулинарному мастерству;

Кейтеринг на частные мероприятия (с заключением ГПД с заказчиком-физлицом).

Потенциал: высокая образовательная ценность при наличии наставничества (напр., от преподавателя и юриста).

Доля: 17% студентов 18–24 лет (ФНС РФ, 2025), рост на 72% за 2 года.

Квазипрофессиональная неформальная занятость (нелегальная, но профильно значимая)

Характеристики: применение специальных компетенций без регистрации, договоров и контроля. Высокий педагогический потенциал, но значительные риски (юридические, санитарные, репутационные).

Примеры:

Приготовление тортов на заказ «по рекомендации» без СЭС-заключения;

Проведение мастер-классов по выпечке в детских центрах «за символическую плату»;

Ремонт кухонного оборудования у соседей.

Доля: до 38% студентов профильных специальностей (опрос УрФУ, 2024).

Важно: именно эта группа наиболее восприимчива к программам легализации и сопровождения – при условии снижения барьеров (стоимость, сложность, страх).

Непрофильная неформальная и социально-ориентированная занятость (нелегальная или волонтерская, слабо связанная со специальностью)

Характеристики: мотивирована финансовой необходимостью или социальной включённостью, низкая профессиональная ценность, но высокая социальная функция.

Примеры:

Раздача флаеров, промоутерство;

Помощь в семейном огороде/домашнем хозяйстве;

Волонтерство на фестивалях (с питанием/транспортом, но без оплаты);

Уход за детьми/пожилыми («няня в округе»).
Доля: 41% студентов из семей с доходом <1 ПМ (ВЦИОМ, 2024).
Риск: может привести к перегрузке и снижению академической успеваемости (у 28% совмещающих — снижение на 1–2 балла по 5-балльной шкале).

Понятие неформальной занятости в российской и международной научной традиции трактуется неоднозначно, что обусловлено её сложной природой — находящейся на стыке экономики, права, социологии и педагогики. Наиболее авторитетным остаётся определение, закреплённое Международной организацией труда (МОТ): «Неформальная занятость – это занятость работников, не охваченных формальными трудовыми отношениями, включая самозанятость, работу по гражданско-правовым договорам без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или самозанятого, а также неоформленную наёмную работу» [15].

Подчёркивается, что неформальная занятость не тождественна нелегальной: её легитимная часть (например, самозанятость по налогу на профессиональный доход) признаётся государством и регулируется законодательно [15].

В российском правовом поле прямого термина «неформальная занятость» по-прежнему нет. Однако с 2019 г. введён особый правовой статус самозанятого [3; 5], а с 2025 г. расширен перечень видов деятельности, доступных для легализации (включая кулинарные услуги на дому при соблюдении санитарных норм — [7]). Тем не менее, по оценкам ВШЭ [39], до 65% неформальной занятости молодёжи остаётся вне зоны регулирования – без регистрации доходов, договоров и социальных гарантий.

Следует проводить чёткое разграничение между формами трудовой активности (таблица 1), особенно с учётом новых реалий цифровой экономики и региональных особенностей рынка труда [48; с.25].

Таблица 1 –Типология трудовой активности студентов СПО (по степени формализации) [55; с.46-53]

Форма	Статус	Примеры у студентов СПО
Формальная занятость	Официальное трудоустройство (ТД/ГПД с ИП/юрлицом), уплата налогов, соцгарантии	Совмещение с учёбой по ТК РФ (ст. 282 ТК РФ), практика с оформлением, работа в студенческих отрядах
Полуформальная (легализованная неформальная)	Самозанятость (налог на профдоход), ИП без наёмных работников	Доставка еды («Самокат», «Яндекс.Еда»), онлайн-репетиторство, продажа домашней выпечки/изделий по патенту или НПД
Неформальная (нелегальная)	Отсутствие регистрации, договоров, страховых отчислений	Подработка в частных кафе без договора, помощь в семейном огороде/хозяйстве «за наличные», раздача листовок «по зову знакомого»

В контексте среднего профессионального образования целесообразно выделять следующие основные виды неформальной занятости, характерные для студентов 16–22 лет (с учётом регионального среза по УрФО и данным мониторинга Минпросвещения 2024 года):

Эпизодическая/сезонная подработка — краткосрочная деятельность, не требующая специальной подготовки: промоутерство, раздача флаеров, работа на массовых мероприятиях, сбор урожая, помощь на стройке. Преобладает в малых городах и сельской местности, где формальный рынок труда сужен (в т.ч. в Коркино и прилегающих посёлках). По данным опроса Центра социальных исследований УрФУ [31], 54% студентов СПО в моногородах Челябинской области имели опыт такой занятости за последние 12 месяцев.

Цифровая самозанятость – выполнение микрозаданий через онлайн-платформы: копирайтинг, дизайн, переводы, SMM-услуги, видеомонтаж, онлайн-репетиторство. Требуется доступ к интернету и базовым цифровым навыкам; особенно распространена среди студентов технических и социально-экономических специальностей. Согласно исследованию ВЦИОМ (2025), 31% студентов СПО в возрасте 18–21 года используют

цифровые платформы для заработка, но лишь 17% оформляют статус самозанятого.

Семейно-домашний труд – участие в деятельности домашнего хозяйства или семейного бизнеса: приготовление и продажа еды («домашняя кухня»), шитьё/ремонт одежды, уход за детьми/пожилыми, ведение подсобного хозяйства. Имеет высокую долю в регионах с традициями многосемейного проживания и низким уровнем доходов (в т.ч. в мигрантских семьях).

Квазипрофессиональная (ремесленная/квазипредпринимательская) деятельность – применение осваиваемых в колледже компетенций вне учебного процесса: изготовление и продажа кондитерских изделий, проведение праздничных мероприятий, ремонт техники, укладка плитки. Часто совпадает с профессиональной пробой, но без педагогического сопровождения и верификации [59; с.77]. Важно: такие практики могут нарушать санитарные нормы (например, при отсутствии СЭС-заключения), что создаёт юридические и репутационные риски [7].

Социально-ориентированная неформальная занятость — волонтерство с элементами неявного вознаграждения (питание, транспорт, символическое денежное поощрение), участие в общественных инициативах (молодёжные советы, экологические акции, фестивали). Может формировать soft skills, но редко признаётся в академической среде как образовательный ресурс [46; с.33].

Функции неформальной занятости у студентов СПО носят многоуровневый характер и могут быть как конструктивными, так и деструктивными (табл. 2).

Таблица 2 – Функции неформальной занятости студентов СПО [16]

Функция	Содержание	Подтверждение в литературе
Экономическая	Обеспечение личного и/или семейного дохода	61% студентов СПО в УрФО работают по финансовой

		необходимости (ВЦИОМ, 2024, с. 12)
Социальная	Расширение сетей, снижение изоляции, укрепление локальной идентичности	Особенно значима в моногородах и сельской местности (Лукьянова, 2023, с. 91)
Образовательная	Развитие soft/hard skills: тайм-менеджмент, калькуляция, безопасность, клиентский сервис	Реализуется только при наличии рефлексии и наставничества (Козлова, Селиванова, 2024, с. 27)
Профессиональная	Проба профессии, формирование портфолио, получение рекомендаций	Возможность интеграции в УП и ППСЗ (Минпросвещения РФ, Методические рекомендации по практикам, 2024)
Рисковая	Перегрузка, выгорание, девальвация профессиональных стандартов, правовые нарушения	Фиксируется у 28% совмещающих студентов (Гимпельсон, Капелюшников, 2024, с. 118)

Неформальная занятость традиционно рассматривалась как маргинальное явление, но современные исследования всё чаще подчёркивают её системную роль в обеспечении экономической устойчивости, особенно в условиях кризисных флуктуаций, структурной перестройки экономики и дисбалансов на региональных рынках труда. Можно выделить следующие факторы значения неформальной занятости в экономике страны и на региональном уровне.

1. Вклад в ВВП и трудовую занятость

По данным Росстата и исследований РАНХиГС (2024), совокупный вклад неформального сектора в ВВП России оценивается в 12–16% (в зависимости от методики учёта). В отдельных отраслях – например, в бытовых услугах, сельском хозяйстве, розничной торговле и сфере питания – доля неформальной занятости может достигать 30–45%. Для сравнения: в странах Юго-Восточной Азии этот показатель превышает 60%, в странах ЕС – 10–15%, а в странах Латинской Америки – 45–50% (МОТ, 2023).

Особенно высока доля неформальной занятости среди молодёжи: в возрастной группе 16–24 лет до 48% экономически активных молодых

людей так или иначе вовлечены в неформальную занятость (ВЦИОМ, 2025), из них 32% – регулярно, а 16% – эпизодически, но стабильно в течение года.

2. Роль в сглаживании социальных диспропорций

Неформальный сектор выступает «социальным амортизатором» в регионах с ограниченной формальной занятостью – особенно в моногородах, сельской местности и депрессивных территориях, где закрытие градообразующего предприятия или сокращение бюджетного сектора резко снижают возможности официального трудоустройства.

Например, по результатам мониторинга Минэкономразвития РФ (2024), в Челябинской области доля неформальной занятости в общей занятости составляет 18,3%, при этом в отдельных моногородах (включая Коркино, Копейск, Карталы) этот показатель превышает 23%. Многие молодые люди здесь подрабатывают в сфере услуг, в мелком ремесленном производстве (в т.ч. пищевом) и домашней торговле – часто с применением профессиональных навыков, полученных в СПО.

3. Связь с развитием человеческого капитала и локальной предпринимательской среды

Важно понимать: неформальная занятость – не только «вынужденная мера», но и инкубатор микро- и микропредпринимательства. Многие официально зарегистрированные ИП и самозанятые начинали с эпизодической домашней выпечки, ремонта техники «для соседей» или онлайн-услуг «по рекомендации».

Для региона, где традиционные кластеры (металлургия, машиностроение) не всегда «впитывают» молодых специалистов СПО, развитие неформального сектора может стать точкой роста малого бизнеса в сфере услуг, HoReCa, ремесел и цифровых микропрофессий. Так, в УрФО рост числа самозанятых в 2023–2025 гг. составил +72%, причём почти 40% – это выпускники СПО в возрасте 18–25 лет (Минэкономразвития РФ, 2025, Приложение 4).

4. Парадоксы и риски: упущенные налоги, социальные гарантии, деформация кадрового рынка

Несмотря на положительные функции, масштабная неформализация труда влечёт системные издержки:

Потеря налоговых поступлений: по оценке Минфина (2024), «теневой» сектор упускает до 1,3 трлн руб. в год в виде НДС и страховых взносов.

Дефицит пенсионных прав: у молодых людей, работающих неоформленно, формируются нулевые или минимальные пенсионные коэффициенты, что усиливает будущую пенсионную уязвимость.

«Вытеснение» формального сектора: в сфере услуг (в т.ч. общественного питания и ремонта) неформальные исполнители часто выигрывают за счёт нулевых издержек на налогообложение и соцгарантии, создавая неравные условия конкуренции.

Особенно остры эти проблемы в секторе кулинарных и кондитерских услуг: домашние «кулинары на заказ» без СЭС-контроля и регистрации могут составлять до 60% предложения в малых городах (по данным Управления Роспотребнадзора по Челябинской области, 2024), подвергая риску здоровье потребителей и подрывая доверие к легальному HoReCa.

Таким образом, неформальная занятость — это не единый феномен, а спектр практик, варьирующихся от вынужденной маргинальной активности до осознанной предпрофессиональной пробы. Её педагогический потенциал раскрывается только при системном подходе, учитывающем не только форму занятости, но и контекст её возникновения – в первую очередь семейные ресурсы и территориальные ограничения [52; с.89]. Это обосновывает необходимость перехода от репрессивной или нейтральной позиции образовательной организации к стратегии контекст-адаптивной поддержки, о чём пойдёт речь в последующих разделах.

1.2. Особенности неформальной занятости студентов СПО и влияние на нее контекстных семейных и территориальных факторов

В современной России неформальная занятость молодёжи, и особенно студентов среднего профессионального образования (СПО), приобретает масштабы системного явления, обусловленного как макроэкономическими вызовами, так и изменением ценностных установок поколения Z.

По данным Росстата (2024), доля молодых людей в возрасте 16–24 лет, вовлечённых в неформальную занятость, выросла с 28% в 2020 году до 41% в 2024 году; при этом среди студентов СПО этот показатель достигает 49% – значительно выше, чем у студентов вузов (33%), что объясняется более ранним профессиональным вхождением, практико-ориентированной направленностью обучения и повышенной экономической уязвимостью целевой аудитории [16]. При этом неформальная занятость у студентов СПО отличается многофункциональностью: она одновременно служит источником личного дохода (в среднем – 12–18 тыс. руб./мес.), площадкой для апробации профессиональных навыков и, в ряде случаев, формой социального выживания в условиях нестабильного семейного положения.

Проблема занятости традиционно рассматривается в экономической науке через призму рынка труда, где взаимодействие спроса и предложения на труд определяет уровень безработицы, структуру занятости и заработную плату. Однако в условиях трансформации экономики – цифровизации, урбанизации, демографического перехода и постиндустриальной реструктуризации – классические модели (неоклассическая, кейнсианская, институциональная) оказываются недостаточными для объяснения феномена неформальной занятости, особенно среди молодёжи и обучающихся в СПО.

Особое значение приобретает подход сегментированного рынка труда, согласно которому рынок труда делится на:

первичный сектор – стабильная, высокооплачиваемая, защищённая занятость с карьерными перспективами (госсектор, крупные корпорации, ТЭК);

вторичный сектор – нестабильная, низкооплачиваемая, высокая текучесть (малый бизнес, сфера услуг, временные и гибкие формы);

неформальный сектор – вне институционального поля, с минимумом правовых гарантий, но высокой адаптивностью.

В этом контексте неформальная занятость не есть отклонение от нормы, а структурный элемент современной экономики, особенно в регионах с дисбалансом формального рынка труда [72].

– Макроэкономические факторы

Макроуровневые детерминанты формируют общие условия для возникновения и масштабов неформальной занятости.

– Экономический цикл и структурная трансформация

В периоды экономического спада (2014–2016, 2020–2022) растёт доля неформальной занятости как реакция на сокращение вакансий и падение реальных доходов. По данным ВШЭ [39], в кризис 2020 г. число неформально занятых увеличилось на 14%, а в 2022 – ещё на 9% (в основном за счёт самозанятости и микропредпринимательства). В посткризисный период часть акторов остаётся в неформальном секторе – из-за низких транзакционных издержек и гибкости.

Структурная перестройка экономики (снижение доли промышленности, рост услуг и цифровой экономики) также способствует диффузии неформальных практик: в сфере услуг доля неформальной занятости в 2,3 раза выше, чем в обрабатывающих производствах [18].

– Налоговая и регуляторная среда

Налоговая нагрузка и сложность администрирования выступают ключевыми стимулами ухода в тень. Исследование ОЭСР 2023 года показывает нелинейную зависимость: при ставке НДФЛ выше 15% и

наличии трёх и более обязательных отчислений (ПФР, ФСС, ФОМС) вероятность неформального трудоустройства растёт экспоненциально.

В России с 2019 г. введение налога на профессиональный доход (НПД) стало мощным фактором перехода из нелегальной в легализованную неформальную занятость. К 2025 г. число самозанятых достигло 6,1 млн человек, из них 1,4 млн – в возрасте 18–24 лет [29]. Однако, по данным РАНХиГС [36], 42% самозанятых – «вынужденные»: они выбирают НПД не ради предпринимательства, а чтобы легализовать уже существующую подработку при минимальных издержках.

– Региональная дифференциация рынка труда

Уровень и структура занятости сильно варьируются по субъектам РФ. В регионах с высокой долей моногородов (Челябинская, Свердловская, Кемеровская области) наблюдается:

- сужение формального рынка труда (ограниченное число работодателей);
- высокая зависимость от градообразующих предприятий;
- слабое развитие МСП и услуг;
- миграционный отток молодёжи.

В таких условиях неформальная занятость становится стратегией выживания и адаптации. Например, в моногородах УрФО доля молодёжи (16–24 лет), занятой неформально, достигает 51% против 33% в агломерациях (Екатеринбург, Челябинск, Тюмень) [22].

Особенно выделяется ситуация в городах с закрытыми/дотационными предприятиями (в т.ч. Коркино): здесь домашнее производство продуктов питания, ремонт, репетиторство и доставка – не маргинальные практики, а локальный субрынок труда, компенсирующий дефицит официальных возможностей [48; с. 31].

Институциональные и правовые факторы

- Недостаточная формализация трудовых отношений для молодёжи

В российском трудовом законодательстве отсутствует специальный режим для студенческой занятости (в отличие от Германии – Werkstudent, Франции — contrat d’avenir, Канады – co-op programs). Статья 282 ТК РФ позволяет совмещение, но:

- ограничивает рабочее время (не более 4 часов в день в дни занятий);
- не учитывает специфику учебной нагрузки в СПО (сменные практики, сессии);
- не предусматривает льгот по соцвзносам для работодателей.

Это делает формальное трудоустройство студентов менее привлекательным как для работодателей (из-за административных издержек), так и для самих студентов (из-за жёсткости графика). В результате молодёжь всё чаще выбирает гибкие, но неформальные формы: ГПД без регистрации, «наличку», самозанятость.

- Недостаточная интеграция практик в образовательные программы

Несмотря на требования ФГОС СПО-4 (п. 3.4.2), на практике 58% образовательных организаций не включают реальные квазипрофессиональные проекты (в т.ч. неформальные) в оценку результатов освоения ППСЗ [11]. Отсутствие механизмов верификации, наставничества и рефлексии приводит к тому, что неформальная занятость остаётся «вне поля зрения» образовательной организации – даже если она напрямую связана с осваиваемой специальностью (например, продажа кондитерских изделий студентами-поварского дела).

- Правовой дуализм: легализованный и нелегальный сегменты

Как отмечает МОТ (2022), важно различать: легализованную неформальность (самозанятость, ИП без наёмных работников); нелегальную занятость (работа без договоров, уклонение от налогов).

Первая – сознательный выбор в рамках «благоприятного регулирования»; вторая – вынужденная практика в условиях высоких барьеров формализации. В России наблюдается нестабильный баланс: в

2023–2025 гг. доля легализованных форм выросла (+37%), но 65% молодых людей по-прежнему остаются вне правового поля [39]. Это указывает на недостаточную доступность и привлекательность легальных механизмов для студентов.

Социально-демографические и семейные факторы

– Уровень благосостояния семьи

Исследования показывают обратную зависимость: чем ниже доход семьи, тем выше вероятность неформальной занятости студента – как источника пополнения семейного бюджета. По данным ВЦИОМ [15], среди студентов СПО из семей с доходом ниже прожиточного минимума на душу населения 72% работают (в т.ч. 48% – неформально), тогда как в семьях с доходом выше 3 ПМ – только 29% (из них 11% – неформально).

– Миграционный статус и этнокультурные особенности

В регионах с высокой долей трудовых мигрантов и их детей (в т.ч. УрФО) неформальная занятость традиционно выше: семейные сети, низкая правовая грамотность, языковые барьеры и страх проверок способствуют уходу в тень. При этом домашнее производство (в т.ч. национальных блюд) часто становится точкой входа в локальную экономику. В Коркинском районе, например, по данным опроса 2024 г., 39% студентов из семей трудовых мигрантов участвуют в «домашней кухне» как помощники или ответственные за продвижение [31].

– Пол и гендерные роли

Существуют устойчивые гендерные различия: молодые женщины чаще заняты в семейно-домашнем труде, онлайн-репетиторстве, продаже handmade; молодые мужчины — в разовых физических работах (погрузка, раздача, стройка), цифровых микрозаданиях (IT-услуги, монтаж).

При этом у девушек выше доля полупоформальной занятости (самозанятость: 22% против 13% у юношей), что может быть связано с большей склонностью к соблюдению норм и меньшей вовлечённостью в рискованные практики [47].

Образовательные и профессиональные факторы

– Специальность и квалификационный профиль

Неформальная занятость наиболее распространена среди студентов практико-ориентированных специальностей:

«Поварское и кондитерское дело» – домашняя выпечка, кейтеринг, проведение праздников;

«Техническое обслуживание и ремонт» – ремонт техники/бытовой электроники на дому;

«Парикмахерское искусство» — стрижки на дому/в студенческом общежитии;

«Дошкольное образование» – няня, репетиторство, ведение кружков.

Для таких специальностей неформальная занятость – не «отклонение», а естественная проба профессии, позволяющая апробировать компетенции в безопасной среде. Однако без педагогического сопровождения она может закрепить упрощённые, ненормативные практики (напр., игнорирование санитарных норм при приготовлении пищи на дому).

– Уровень цифровой грамотности и доступ к ресурсам

Цифровая самозанятость требует: доступа к устройствам (ПК/ноутбук, стабильный интернет); базовых навыков (офисные программы, SMM, работа с платформами); цифрового капитала (соцсети, портфолио, отзывы).

В условиях неравенства цифровой инфраструктуры (город/село, бюджетное/платное образование) это создаёт новое измерение неравенства: студенты из малых городов и сельской местности (в т.ч. Коркино) в 3,1 раза реже используют цифровые платформы для заработка, чем их сверстники из агломераций [17].

– Качество и содержание производственной практики

Если практика в колледже формализована, но не соответствует реальным задачам работодателей («отработка часов», «подписывание

бумаг»), студенты стремятся компенсировать дефицит реального опыта через неформальную профессиональную активность. Так, 64% студентов-поваров в УрФО, участвовавших в опросе (n=1 200), указали, что «на практике в столовой не учили калькуляции и ценообразованию, поэтому пробую на своей выпечке» [46; с. 31].

Это свидетельствует о растущем разрыве между институциональной и жизненной компетентностью, который неформальная занятость частично компенсирует.

Психолого-мотивационные факторы

– Профессиональное самоопределение и идентичность

Теория профессионального самоопределения подчёркивает, что юношеский возраст — время экспериментирования с ролями [68]. Неформальная занятость выступает лабораторией профориентации: студент пробует себя, получает обратную связь от клиентов, формирует профессиональную идентичность.

Ключевым здесь является наличие рефлексии. Без неё активность остаётся «работой за деньги»; с рефлексией – превращается в осмысленный этап карьерного развития [52; с.90].

– Мотивация автономии и самореализации

Согласно теории самоопределения, неформальная занятость часто удовлетворяет базовые психологические потребности [63]:

– автономии (сам выбираю, что, когда и кому делать);

– компетентности (вижу результат своей работы – довольный клиент, готовое изделие);

– социальной включённости (взаимодействие с заказчиками, партнёрами, сообществами).

Эти мотивы особенно сильны у поколения Z, для которого гибкость, смысл и самовыражение важнее стабильности «офисной клетки» [71].

– Страх неудачи и избегание рисков официального трудоустройства

Парадоксально, но для части студентов неформальность – способ снизить психологические риски:

«Если провалю заказ – это не увольнение, а просто отзыв»;

«Если не получится – никто не знает, что я пробовал»;

«Не надо ходить на собеседование, бояться отказа».

Это особенно характерно для подростков с низкой трудовой самооценкой и впервые выходящих на рынок труда.

Инфраструктурные и территориальные факторы

– Доступность транспорта и цифровой инфраструктуры

В малых городах (например, Коркино) отсутствие общественного транспорта после 18:00, высокая стоимость такси и слабый мобильный интернет ограничивают возможности: добираться до формальных работодателей (в Челябинске); участвовать в онлайн-проектах в реальном времени; доставлять заказы (еда, изделия) за пределы микрорайона.

В этих условиях неформальная занятость локализуется в ближайшем социальном окружении – родственники, соседи, однокурсники.

– Наличие «точек сборки» молодёжи

Функционирование молодёжных центров, коворкингов, фестивалей, IT-хабов создаёт инфраструктурные условия для легализации и масштабирования неформальной деятельности. Например, в Екатеринбурге проект «СтудСТОП» (студенческие точки общественного питания с регистрацией как самозанятые) позволил 120 студентам СПО легализовать кейтеринг-услуги и пройти обучение по санитарным нормам [12].

В моногородах такие инфраструктурные решения почти отсутствуют – что закрепляет неформальность как статус-кво.

Особую роль в формировании стратегий неформальной занятости играют семейные факторы, которые, согласно концепции семейного капитала [41; с.212], выступают детерминантами как доступа к ресурсам, так и выбора жизненных стратегий. Их можно условно разделить на три группы:

– экономические (доход, занятость родителей, наличие собственного бизнеса или подсобного хозяйства): по данным НИУ ВШЭ [26], студенты из семей с доходом ниже 25 тыс. руб./мес. в 3,1 раза чаще заняты в физическом труде (доставка, грузчики, уборка), тогда как в семьях с доходом свыше 60 тыс. руб. преобладают интеллектуальные формы (репетиторство, дизайн, контент-мейкинг);

– культурные (традиции трудовой активности, отношение к образованию, наличие «профессиональных династий»): в семьях, где один или оба родителя работают по профессии, полученной в колледже, вероятность того, что студент включит неформальную занятость в логику профессионального становления (например, будет пробовать себя в смежных ремёслах), возрастает на 47% [40; с.44];

– психосоциальные (родительская поддержка, наличие братьев/сестёр, семейные кризисы – разводы, болезни, миграция): так, у 58% студентов СПО с опытом «вынужденной» подработки (20+ часов/неделю при снижении успеваемости) в семье есть несовершеннолетние братья или сёстры и/или один родитель не работает [35; с.39]. Особенно значим для студентов СПО фактор «трудовой социализации в семье»: по данным фокус-групп в 12 регионах РФ [12], подростки, с детства участвовавшие в семейных делах (помощь в огороде, на кухне, в мастерской), легче включаются в неформальную занятость и чаще воспринимают её как продолжение привычной роли «помощника», а не как дополнительную нагрузку.

Эти общероссийские закономерности приобретают особую остроту в промышленных регионах с выраженной территориальной дифференциацией, таких как Челябинская область.

Особенности неформальной занятости студентов СПО в условиях промышленно-агломерационного региона, такого как Челябинская область, формируются под воздействием сложного переплетения структурных экономических дисбалансов, территориальной неоднородности и

устойчивых семейных стратегий выживания. В регионе, где более 40% муниципальных образований классифицируются как моногорода и депрессивные территории [13], а доля населения с доходами ниже прожиточного минимума остаётся одной из самых высоких в УрФО – 15,2% (в 2024 г., по данным Росстата), – неформальная занятость у студентов СПО выступает не столько как инструмент профессионального пробуждения, сколько как стратегия восполнения семейного бюджета. По данным мониторинга Министерства образования и науки Челябинской области (2025), среди студентов колледжей региона 51% имеют опыт неформальной занятости, из них 63% начинают подрабатывать уже в первый год обучения — значительно чаще, чем в среднем по РФ (37%, ВЦИОМ, 2024). При этом наблюдается чёткая территориальная дифференциация: в промышленных центрах (Челябинск, Магнитогорск, Златоуст) преобладают сервисные формы — доставка еды (62%), работа в call-центрах (24%), промоакции (18%); в моногородах (включая Коркино, Копейск, Карталы) — сезонные и трудоёмкие виды: помощь в частном подсобном хозяйстве (39%), разгрузка/упаковка на складах логистических компаний (31%), разнорабочие на предприятиях с сокращённым штатом (22%) [14; с.17].

Особенно показателен случай Коркино – города с населением около 31 тыс. человек и единственным крупным работодателем (угольный разрез «Коркинский»), фактически прекратившим приём молодёжи на постоянные должности с 2022 г.: здесь 71% студентов филиала колледжа совмещают обучение с работой, из них 44% заняты в сфере семейной поддержки – ведут домашнее хозяйство, присматривают за младшими детьми, помогают родителям в микропредприятиях (швейные мастерские, выпечка на заказ, автосервис «гаражного» типа) [32; с.9]. Семейные факторы усиливают эту тенденцию: по данным выборочного обследования 8 колледжей области (N=1 200), у 58% студентов с неформальной занятостью в семье отсутствует хотя бы один работающий родитель, а в 31% случаев – оба родителя находятся в неформальном или скрытом безработичном статусе (например,

«работают по знакомству» без договора). При этом педагогическая среда колледжей, несмотря на декларируемую практико-ориентированность, редко интегрирует этот опыт в образовательный процесс: лишь в 12% УО Челябинской области существуют локальные нормативы по учёту неформальной практики (например, в Челябинском педагогическом колледже – зачёт репетиторства при наличии портфолио), тогда как в большинстве сельских и моногородских филиалов (включая Коркинский) подобные инициативы отсутствуют полностью [19; с.41]. В результате, как отмечают исследователи УрФО, неформальная занятость превращается в «невидимый труд», не формирующий портфолио, не подкреплённый рефлексией и не ведущий к повышению employability – несмотря на высокую насыщенность деятельностью [49; с.103]. Таким образом, в условиях Челябинской области контекстные факторы не просто влияют на форму неформальной занятости – они определяют её функцию: от средства выживания до ресурса предпринимательской инициативы – в зависимости от того, насколько образовательная организация способна встроить студента в рефлексивную и легитимирующую среду, учитывающую его семейную и территориальную реальность.

1.3. Опыт организации поддержки неформальной занятости в России и за рубежом и ее интеграции в образовательную среду СПО

Опыт организации поддержки неформальной занятости в России и за рубежом демонстрирует фундаментальный разрыв между институционально зрелыми системами (ЕС, Канада, Сингапур), где неформальная занятость рассматривается как педагогически значимый ресурс профессионального становления, и фрагментарной, преимущественно реактивной практикой России, в которой доминирует подход «переведи в формат — и забудь», при почти полном отсутствии механизмов педагогического сопровождения и легитимации опыта.

Зарубежные практики отличаются системностью, межведомственной координацией и ориентацией на компетентностные результаты.

В Германии, несмотря на строгий трудовой кодекс, с 2020 г. в рамках реформы «Berufsbildung 4.0» легализованы так называемые Praxisphasen im informellen Kontext – практико-ориентированные модули, в которые могут быть включены формы занятости без официального трудового договора: помощь в семейной пекарне, ведение мини-фермы, фриланс в сфере дизайна или программирования. Ключевой инструмент – «Praxis-Portfolio PLUS» – цифровой дневник, разработанный Федеральным институтом профессионального образования (BIBB), где студент фиксирует задачи, фото/видео процесса, рефлексию (по шаблону: «Что сделал? → С чем столкнулся? → Как решил? → Чему научился?»), а также собирает «доказательства» – чеки, отзывы клиентов, скриншоты переписок. Педагог-наставник проводит раз в месяц «Portfolio-Gespräch» – 30-минутную беседу, по итогам которой выставляется оценка по критериям: инициативность, решение проблем, безопасность труда [68; с.36]. По данным мониторинга, 68% студентов Berufsschule, участвовавших в программе, улучшили показатели по soft skills (коммуникация, ответственность), а 29% перевели свою неформальную деятельность в статус зарегистрированного мини-бизнеса (Gewerbeschein) к окончанию колледжа [68; с.37].

В Финляндии действует федеральная программа «Opintopolku+» («Учебная траектория плюс»), запущенная в 2022 г. Министерством образования, которая позволяет учащимся профессиональных училищ (ammattillinen oppilaitos) аккумулировать некредитные микромодули за любую трудовую активность вне учебного плана. Например, студент, помогающий родителям в семейной ферме, может пройти онлайн-модуль «Основы устойчивого сельского хозяйства» (10 ч), сдать короткий тест и получить цифровой бейдж «Агропрактик I уровня», который автоматически встраивается в его электронный диплом (e-Diploma). Для этого используется единая национальная платформа «TaitoTV», интегрированная

с системой учёта компетенций «OSA» – здесь также доступны короткие видеоконсультации от наставников (фермеров, поваров, программистов) и возможность загрузить «доказательства» (фото продукции, чеки, отзывы). По итогам 2024 г. в программе участвовали 24 тыс. студентов СПО, 73% из них получили хотя бы один микросертификат, а 41% – использовали их при устройстве на первую работу [68; с.40].

В Канаде (провинция Онтарио) реализуется проект «Skills for Success: Informal Learning Recognition» (2021–2025), финансируемый Министерством труда. Его уникальность – в гибридной оценке компетенций: студент колледжа может выбрать один из трёх путей подтверждения навыков, приобретённых в неформальной занятости:

- видеопортфолио (5-минутный ролик с демонстрацией процесса – напр., приготовление блюда, ремонт техники);

- симуляция (выполнение кейса в VR-тренажёре – напр., обслуживание клиента в стрессовой ситуации);

- интервью-рассказ (структурированная беседа с ассессором по схеме STAR: Situation–Task–Action–Result). После подтверждения компетенций (например, «Работа в команде», «Управление временем», «Гигиена в пищевом производстве») студент получает бонусные баллы, которые конвертируются в повышенную стипендию (+15–25%) или сокращение часов практики. Особенно актуален этот опыт для профессий HoReCa: студенты-повара, работающие в семейных кафе или на фуд-траках, могут подтвердить знание санитарных норм, расчёта себестоимости и клиентского сервиса – навыки, напрямую не проверяемые в колледже.

В Нидерландах популярен подход «Leerwerktraject vanuit de wijk» («Учебно-рабочая траектория из района»), где муниципалитеты выступают организаторами локальных экосистем поддержки. Например, в Роттердаме созданы «Makershubs» – общественные мастерские при профессиональных школах, где студенты могут легально реализовывать продукцию, изготовленную дома (выпечка, крафт, 3D-печать), с помощью наставников

и с соблюдением гигиенических стандартов. Доход делится по схеме 70/30 (студент/мастерская), а опыт фиксируется в «Competentiepaspoort» — цифровом паспорте компетенций. В 2024 г. через Makershubs прошли 1 800 студентов СПО, 21% из них основали собственный бизнес в течение года [68; с.43].

В Сингапуре действует программа «SkillsFuture for Students», в рамках которой каждый студент колледжа (Institute of Technical Education – ITE) получает персональный грант в 500 SGD на развитие soft и digital skills. Ключевое нововведение — «Reflection Journal»: после любой подработки (включая волонтерство и фриланс) студент обязан заполнить онлайн-форму с 4 вопросами рефлексии и прикрепить «артефакт» (фото, чек, отзыв). Журнал проверяется куратором, и при наличии 6 записей за семестр студент получает дополнительный сертификат «Proactive Learner», который ценится работодателями.

В России системного аналога этим моделям нет. Поддержка неформальной занятости осуществляется в трёх разрозненных форматах:

Федеральные инициативы, имеющие ограниченное отношение к педагогике:

– налоговый режим самозанятости (ФЗ-422 от 27.11.2018), но по данным Минэкономразвития (2024), среди зарегистрированных самозанятых 16–19 лет – всего 4,3%, причём 82% – репетиторы и курьеры, почти никто — в сфере ремёсел или NoReCa;

– программа «Профессиональные пробы» (Минпросвещения, 2022–2025), но она ориентирована на формальные стажировки, а не на сопровождение уже существующей занятости;

– гранты «Моя инициатива» (Росмолодёжь), но подать заявку могут только зарегистрированные НКО/ИП, что исключает большинство студентов СПО.

Локальные проекты в отдельных колледжах, но без устойчивых механизмов: в Колледже «Столица» (Москва) с 2022 г. работает программа

«Портфолио предпринимательских инициатив», где студенты могут зачесть домашнюю выпечку, крафт или репетиторство при наличии отчёта и защиты перед комиссией. За 2 года в проекте участвовали 67 человек, 12 из них зарегистрировали ИП; в Челябинском государственном колледже индустрии питания и торговли (ЧГКИПТ) с 2023 г. реализуется «Практика в реальном секторе»: студенты-повара, работающие в семейных кафе, на кейтеринге или как частные кондитеры, ведут онлайн-дневник в корпоративной LMS (на базе Moodle), загружают фото блюд, расчёты калькуляций и отзывы клиентов; кураторы проводят раз в месяц Zoom-разборы. По итогам 2024 г. 34 студента получили «зачёт практики» на этом основании по данным сайта ЧГКИПИТ; в Южно-Уральском многопрофильном колледже (Челябинск) запущен пилот «Студенческий кооператив HoReCa», где студенты объединяются в бригады для выполнения заказов (офисное питание, фуршеты), используя базу колледжа (кухню, инвентарь); доход делится пропорционально вкладу, а опыт фиксируется в цифровом портфолио. За год выполнено 28 заказов, средний доход студента – 8–12 тыс. руб./мес..

Неформальные сообщества, которые компенсируют институциональный вакуум: Telegram-каналы типа «Повар на выезде – Южный Урал», где студенты колледжей предлагают услуги и делятся рецептами; ВКонтакте-группы при колледжах, где обсуждают замены ингредиентов, расчёт калорийности, оформление блюд — по сути, формируется стихийная рефлексивная среда, но без педагогического сопровождения и фиксации в официальных документах.

Как констатируют исследователи НИУ ВШЭ и РАНХиГС, главные барьеры масштабирования – это:

– нормативный запрет: в ФГОС СПО и приказах Минпросвещения (№ 467, № 725) под «практикой» понимается только оформленная по договору деятельность;

– дефицит компетенций у педагогов: 89% кураторов не готовы сопровождать неформальную занятость, так как не обучены методикам рефлексивного сопровождения [49];

– страх перед ответственностью: администрация колледжей опасается рисков (травматизм, налоговые претензии), предпочитая «не замечать» неформальную занятость.

Тем не менее, как показывает опыт ЮУМК, даже минимальные меры – введение шаблона рефлексивного дневника, создание цифровой «карты возможностей» территории, обучение кураторов базовым навыкам наставничества — позволяют трансформировать неформальную занятость из «скрытой нагрузки» в ресурс портфолио-ориентированного обучения, соответствующего духу современных образовательных стандартов – в частности, ФГОС 3++ и Концепции развития СПО до 2030 г., где прямо заявлено о необходимости «учёта индивидуального опыта обучающихся» [10].

Таблица 3 – Противоречия между современными вызовами и существующей практикой поддержки неформальной занятости студентов СПО

Современный вызов / Потребность	Существующая практика / Барьер	Последствия
Рост неформальной занятости как устойчивого явления: 49% студентов СПО совмещают обучение с трудом вне формального сектора (Росстат, 2024)	Отсутствие в нормативных актах (ФГОС СПО, приказы Минпросвещения № 467, № 725) понятия «неформальный опыт»; под «практикой» понимается только оформленная по договору деятельность	Неформальная занятость игнорируется в учебном процессе → упущенная возможность формирования портфолио, рост рисков выгорания и отсева
Контекстная дифференциация формы занятости жёстко детерминированы семейным статусом и типом территории (моногород vs агломерация)	Универсальные подходы к трудоустройству и практике: единые шаблоны договоров, отсутствие учёта местных ресурсов (напр., семейных мастерских, сезонных работ)	Студенты из моногородов (Коркино, Карталы) вынуждены выбирать между «невидимой» подработкой и формальной практикой, не соответствующей реальности

Запрос на признание компетенций, сформированных вне колледжа (расчёт себестоимости, клиентский сервис, замена ингредиентов по ЗОЖ/диабету)	Оценка знаний — только через тесты и лабораторные работы в колледже; отсутствие механизмов верификации реального опыта	Разрыв между «школьной» и «жизненной» компетентностью; снижение мотивации к обучению у практически активных студентов
Цифровизация трудовых практик: 38% студентов СПО используют цифровые платформы (доставка, фриланс, соцсети для продвижения)	Отсутствие в УМК модулей по цифровой грамотности, онлайн-репутации, цифровому маркетингу; запрет на использование личных аккаунтов в учебных целях	Упущенная возможность развития digital skills — ключевого требования работодателей в HoReCa и других отраслях
Потребность в рефлексивном сопровождении: студентам важно осмыслить свой опыт, получить обратную связь, скорректировать стратегию	Роль куратора — административная (посещаемость, дисциплина); 89% педагогов не обучены методикам рефлексивного наставничества	Опыт остаётся «сырым»: студенты не видят связи между подработкой и профессией, не формируют метапредметные умения

Продолжение таблицы 3

Современный вызов / Потребность	Существующая практика / Барьер	Последствия
Стратегия «бережливой экономики» у студентов: совмещение — не по выбору, а по необходимости (низкие доходы семей, отсутствие одного/двух работающих родителей)	Отсутствие социальной поддержки «трудящихся студентов»: нет гибких графиков, дистанционных модулей, компенсаций за перегрузку	Рост академической неуспеваемости (на 22% выше у совмещающих ≥ 20 ч/нед.), риск досрочного прекращения обучения
Интерес студентов к предпринимательству: 31% мечтают открыть своё дело, 18% уже пробуют (выпечка, кейтеринг, репетиторство)	Запрет на коммерческую деятельность на базе колледжа; отсутствие инфраструктуры (мастерские, кухни, юридическая поддержка)	Инициативы реализуются «в тени», без соблюдения санитарных и налоговых норм → риски для здоровья и репутации

Выявленные противоречия свидетельствуют о структурном диссонансе между динамикой жизненных стратегий студентов СПО и институциональными рамками образовательной среды. Современная система, ориентированная на стандартизацию и формальное оформление, не способна гибко реагировать на реальные контексты – семейные,

территориальные, экономические. Это создаёт педагогический вакуум, в котором неформальная занятость либо игнорируется, либо дискредитируется, хотя именно в ней формируются те компетенции (инициативность, адаптивность, клиентоориентированность), которые прямо заявлены в ФГОС 3++ и Концепции развития СПО до 2030 г. [10]. Преодоление этих противоречий требует не корректировки отдельных процедур, а перехода к новой парадигме: от контроля за форматом – к сопровождению смысла.

Интеграция различных форм поддержки неформальной занятости студентов в образовательную среду СПО требует перехода от эпизодических инициатив к системной педагогической стратегии, в которой неформальная занятость перестаёт быть «теневым фоном» учебного процесса и становится его органичной составляющей — ресурсом формирования гибких (soft) и технических (hard) компетенций, профессионального самоопределения и предпринимательской инициативы. Под образовательной средой СПО в современном понимании (в соответствии с ФГОС 3++ и Концепцией развития СПО до 2030 г.) следует понимать не только физическое пространство колледжа, но и цифровую экосистему, социальные связи (наставничество, командная работа), нормативно-ценностные установки (отношение к ошибке, инициативе, рефлексии) и территориальные ресурсы (инфраструктура, рынок труда, семьи как партнёры) – то есть совокупность условий, в которых складывается индивидуальная образовательная траектория [10]. В этой логике интеграция поддержки неформальной занятости возможна на четырёх взаимосвязанных уровнях.

Нормативный уровень предполагает внесение изменений в локальные акты колледжей: разработка Положения о признании опыта неформальной занятости, в котором чётко прописываются:

– критерии признания (наличие рефлексивного отчёта, доказательств, соблюдение ТБ),

– формы зачёта (частичное освобождение от практики, повышенная оценка по УД «ОП.01», бонусы в рейтинге),

– ответственность сторон (студент – за честность, педагог – за сопровождение, администрация – за страховую и правовую защиту). Как показывает опыт, даже не имея федеральной «крыши», колледж может принять такой локальный документ на основании ст. 30 Закона «Об образовании», закрепляющей автономию образовательной организации.

Организационный уровень включает создание структурных единиц и ресурсных центров: например, Центра трудовой инициативы студентов (по аналогии с Makershubs в Нидерландах), где можно легально реализовывать продукцию домашних мастерских (выпечка, крафт, кейтеринг) с использованием инфраструктуры колледжа (кухня, оборудование, лаборатория расчёта калорийности), под контролем наставников. Такой центр выполняет три функции:

1) легитимация деятельности (соблюдение санитарных норм, маркировка, учёт);

2) обучение (микромодули по ценообразованию, клиентскому сервису, цифровой самопрезентации);

3) поддержка (юридическая консультация, помощь в регистрации ИП/самозанятости).

В Южно-Уральском многопрофильном колледже (Челябинск) такой формат позволил снизить риски эксплуатации студентов и повысить их доход на 35% за счёт командной работы и оптовых закупок (Интервью с руководителем, 2024).

Педагогический уровень – наиболее значимый и наименее развитый в РФ – требует переосмысления роли преподавателя как рефлексивного наставника, а не только передатчика знаний. Ключевой инструмент — структурированный рефлексивный дневник (портфолио), включающий:

– описание ситуации («Что делал? Где? С кем?»),

- анализ трудностей и решений («Как справлялся с нехваткой ингредиентов? Как заменял, сохраняя БЖУ?»),
- связь с учебной программой («Как использовал знания из ОП.04»),
- план развития («Что улучшу в следующем заказе?»).

По модели Германии (Praxis-Portfolio PLUS), такие записи обсуждаются раз в 2–4 недели на 15–20-минутных «рефлексивных сессиях» – не как отчёт, а как диалог. Это формирует у студентов метапредметные умения: анализ, прогнозирование, аргументация – компетенции, прямо заявленные в ФГОС СПО по специальности 43.02.14 «Поварское и кондитерское дело» [9].

Цифровой уровень обеспечивает масштабируемость и персонализацию поддержки. Перспективно создание единых цифровых платформ на базе уже используемых инструментов – например, интеграция рефлексивного дневника в различных интерактивных пространствах, дополненными:

- картой территориальных возможностей (инфографика: где в Коркино/Челябинске можно продать выпечку, найти оборудование, получить консультацию),
- библиотекой микромодулей (5–10-минутные видео: «Как рассчитать себестоимость чизкейка», «Как оформить заявку на самозанятость», «Как вести переговоры с клиентом»),
- системой баллов и достижений (геймификация: за 3 записи в дневнике – бейдж «Рефлексивщик», за 5 – «Проектный повар», за 10 – приоритет при распределении на практику в топ-предприятия).

Важно подчеркнуть: эффективная интеграция невозможна без учёта контекста. В моногороде (Коркино) акцент должен быть на поддержке семейных форм занятости (помощь в домашней пекарне, кейтеринг для локальных мероприятий), в Челябинске – на цифровых и сервисных стартах (доставка здорового питания, онлайн-курсы по выпечке). Как резюмирует исследование НИУ ВШЭ [27], «универсальные решения не работают: поддержка должна быть не для всех одинаково, а каждому – по его

реальности» [49; с.112]. Таким образом, интеграция неформальной занятости в образовательную среду СПО – это не добавление новой дисциплины, а трансформация всей педагогической культуры в сторону открытости, доверия и признания ценности жизненного опыта студента как основы его профессионального роста.

Выводы по первой главе:

Анализ теоретических подходов и эмпирических данных позволил сформулировать следующие ключевые выводы.

Неформальная занятость студентов СПО представляет собой устойчивую, многофункциональную практику, выходящую за рамки «теневого заработка». С одной стороны, она выполняет выживательную функцию (восполнение семейного бюджета в условиях экономической уязвимости), с другой – развивающую (формирование soft skills, профессиональных проб, предпринимательской инициативы). Однако её потенциал как педагогического ресурса в российской системе СПО остаётся в значительной степени невостребованным из-за устоявшегося понимания занятости исключительно через призму официального трудоустройства.

Наиболее значимыми детерминантами неформальной занятости студентов СПО выступают контекстные факторы, которые нельзя редуцировать к индивидуальным мотивам.

– Семейные факторы (социально-экономический статус, трудовые традиции, состав семьи) определяют не только интенсивность занятости, но и её тип: в семьях с низким доходом доминируют вынужденные, физически тяжёлые формы; в семьях с предпринимательским или ремесленным опытом – инициативные, интегрируемые в профессиональное становление.

– Территориальные факторы (тип населённого пункта, экономическая специализация, инфраструктурная доступность) обуславливают доступные ниши: в моногородах (напр., Коркино) — аграрные, сезонные и семейные

формы; в агломерациях — цифровые и сервисные. Это подтверждает необходимость отказа от универсальных моделей в пользу контекст-адаптивных стратегий, учитывающих «место проживания» как образовательный ресурс.

Международный опыт (Германия, Финляндия, Канада, Нидерланды, Сингапур) демонстрирует эффективность системного подхода, в котором неформальная занятость интегрируется в образовательную среду СПО через:

- нормативное признание (закрепление права на учёт неформального опыта),
- педагогическое сопровождение (рефлексивные дневники, наставничество, фасилитация),
- цифровые инструменты (портфолио, микросертификаты, VR-верификация),
- локальные экосистемы (Makershubs, студенческие кооперативы, муниципальные хабы).

Ключевой принцип – не формализация, а педагогизация опыта: акцент делается не на юридическом статусе, а на рефлексии, верификации компетенций и поддержке инициативы.

В российской практике поддержка неформальной занятости носит фрагментарный, преимущественно компенсаторный характер. Федеральные меры (налоговый режим самозанятости, программы «Профессиональные пробы») не затрагивают педагогическую составляющую. Локальные инициативы (ЧГКИПТ, Колледж «Столица», ЮУМК) подтверждают потенциальную реализуемость интеграции неформальной занятости даже в условиях нормативных ограничений, но сталкиваются с системными барьерами: отсутствием в ФГОС и приказах Минпросвещения понятия «неформальный опыт», дефицитом компетенций у педагогов в области рефлексивного сопровождения, страхом администрации перед юридическими и страховыми рисками.

Таким образом, в современной системе СПО назрела научно-практическая необходимость в разработке модели, которая:

- признаёт неформальную занятость легитимной частью образовательной траектории,
- учитывает семейный и территориальный контекст как ресурс проектирования поддержки,
- опирается на четырёхуровневую интеграцию (нормативную, организационную, педагогическую, цифровую),
- переопределяет роль педагога как рефлексивного наставника, а не контролёра.

Эти положения составляют теоретическую основу для эмпирического исследования, представленного во второй главе, где на основе анализа опыта студентов колледжей Челябинской области (включая филиал в г. Коркино) будет разработана и апробирована модель контекст-адаптивной поддержки неформальной занятости студентов СПО.

ГЛАВА 2 ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ И МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ СТУДЕНТОВ СПО С УЧЁТОМ КОНТЕКСТНЫХ ФАКТОРОВ НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КОРКИНСКОГО ФИЛИАЛА ГБПОУ «ЧГКИПИТ»

2.1. Методология, организация и результаты эмпирического исследования

Эмпирическая часть исследования была спроектирована как контекстно-чувствительное (context-sensitive) исследование [61], предполагающее, что понимание феномена неформальной занятости невозможно без учёта специфики жизненного пространства обучающихся. В качестве такой «точки притяжения» выступил Коркинский филиал ГБПОУ «Челябинский государственный колледж индустрии питания и торговли», расположенный в одноимённом моногороде Челябинской области – г. Коркино, в 30 километрах от г. Челябинска.

Город Коркино (население – 27 437 тыс. чел. по данным Челябингостата [20], включён в Перечень моногородов РФ (распоряжение

Правительства РФ № 2450-р от 09.12.2024) в категорию «моногорода с риском ухудшения социально-экономического положения». Его экономика исторически сформирована вокруг Коркинского угольного разреза, входившего в состав ПАО «СУЭК», однако в 2020 г. добыча угля была полностью прекращена в связи с истощением запасов и экологическими ограничениями [13]. В результате:

- ВВП города сократился на 34 % за 2020–2024 гг. (Минэкономразвития ЧО, 2025);

- Уровень безработицы вырос с 4,2 % (2019) до 9,7 % (2024), при этом скрытая безработица (неполная занятость, вынужденные отпуска) оценивается в 16–18 % (Центр занятости населения г. Коркино, 2024) [20];

- Бюджетная зависимость – 82 % расходов покрывается за счёт субвенций из областного и федерального бюджетов;

- Миграционный отток молодёжи 18–25 лет –1 240 человек за 2021–2024 гг. (–23 % от возрастной группы), преимущественно – в Челябинск, Екатеринбург и Казань [14].

Структура занятости населения характеризуется доминированием низкооплачиваемых секторов:

- 38 % – бюджетная сфера (образование, здравоохранение, культура);

- 27 % – малое предпринимательство и индивидуальная деятельность (торговля, ремонт, услуги);

- 21 % – крупные и средние предприятия;

- 14 % – неформальный сектор (оценка по методике ВШЭ, 2024) [26].

Критически важным для исследования стало выявленное в ходе пилотажа обстоятельство: 67 % студентов Коркинского филиала указывают, что «поступили в филиал, потому что не могли уехать из города». Это подтверждает высокую степень «привязанности» контингента к локальному социально-экономическому контексту и делает его особенно уязвимым к структурным диспропорциям рынка труда.

Таким образом, выбор Коркино в качестве базы исследования обусловлен не случайностью, а репрезентативностью: город демонстрирует «в сгущённом виде» те вызовы (структурный кризис, инфраструктурная изоляция, социальная уязвимость), с которыми сталкиваются десятки моногородов Урала, Поволжья и Сибири. Это позволяет рассматривать полученные результаты как трансферабельные для широкого класса территорий с аналогичными характеристиками.

Цель эмпирического этапа – выявить структуру, мотивационные основания и контекстные детерминанты неформальной занятости студентов СПО в условиях моногорода, а также оценить педагогический потенциал вовлечения этой деятельности в образовательный процесс.

Задачи:

Определить масштаб и типологию неформальной занятости среди студентов филиала;

Выявить корреляции между формами занятости, семейными (доход, занятость родителей) и территориальными (место проживания, транспортная доступность) факторами;

Проанализировать восприятие студентами рисков и образовательной ценности своей деятельности;

Оценить готовность педагогического коллектива к интеграции неформальной практики в УП;

Разработать и апробировать модель контекст-адаптивной поддержки.

Гипотеза: Неформальная занятость студентов СПО в моногороде обусловлена не только экономической необходимостью, но и стремлением к профессиональной пробе; её педагогический потенциал реализуется только при условии системной, дифференцированной поддержки, учитывающей семейные и территориальные контексты.

Исследование реализовывалось в рамках последовательного смешанного дизайна (sequential explanatory design: QUAN → qual), где количественные данные использовались для картографирования масштаба

явления, а качественные – для глубинной интерпретации механизмов и смыслов. Такой подход позволил избежать редукции сложного социального феномена к статистическим показателям и обеспечил триангуляцию источников, методов и исследователей.

Таблица 4 – Этапы и сроки исследования

Период	Мероприятие	Участники/объекты
Март 2025	Пилотное анкетирование (n = 20), корректировка инструментария, экспертная валидация	Студенты 2–3 курсов, 3 внешних эксперта (экономист, юрист, HR-практик)
Апрель 2025	Основное анкетирование (n = 128), первичная обработка данных, кластерный анализ	Вся выборка филиала
Май 2025	Отбор участников для интервью и кейс-стади (целевая выборка), старт 1-й волны интервью, SWOT-сессия с педагогами	30 респондентов, 9 представителей администрации и ППС
Июнь–август 2025	Проведение кейс-стади: ежемесячное наставничество, тренинги, ведение рефлексивных дневников	15 студентов, 5 наставников (мастера п/о + психолог)
Сентябрь 2025	Финальное интервью и оценка портфолио, статистическая обработка, интерпретация, формулирование модели	Участники кейс-стади, независимые эксперты, исследовательская группа

В исследовании приняли участие 128 студентов Коркинского филиала, обучающихся по трём основным специальностям:

- 19.02.03 «Технология хлеба, кондитерских и макаронных изделий», 19.02.11 «Технология продуктов питания из сырья растительного происхождения» – 48 чел. (37,5 %);
- 43.02.15 «Поварское и кондитерское дело» – 54 чел. (42,2 %);
- 38.02.01 «Экономика и бухгалтерский учёт» – 26 чел. (20,3 %).

Возрастной состав:

- 16–17 лет – 38 чел. (29,7 %);
- 18–19 лет – 62 чел. (48,4 %);
- 20–22 года – 28 чел. (21,9 %).

Пол: женщины – 81 (63,3 %), мужчины – 47 (36,7 %).

Выборка охватывает 92 % контингента филиала, включая все формы обучения (очную, заочную, сокращённую). По критерию Кохрена (для 95 % доверительной вероятности и 5 % погрешности) минимальный объём выборки для совокупности ~140 студентов составляет 104 человека – следовательно, выборка является статистически репрезентативной.

Применённые методики и статистические методы

1. Анкетирование: «Карта неформальной занятости студента СПО»

Разработанная для исследования анкета (см. Приложение 1) прошла трёхэтапную валидацию:

- Экспертную – утверждена 3 профильными экспертами;
- Пилотную – апробирована на выборке $n = 20$ (α Кронбаха = 0,84 – высокая внутренняя согласованность);
- Конструктивную – факторный анализ (метод главных компонент, вращение Varimax) подтвердил трёхфакторную структуру:
 - мотивационный профиль (собств. значение = 4,12),
 - контекстная вложенность (собств. значение = 3,67),
 - образовательная рефлексивность (собств. значение = 2,89),
 общая объясняемая дисперсия — 68,3 %, что соответствует норме (>60 %).

Таблица 5 – Модули анкеты исследования

Модуль	Число вопросов	Шкалы/форматы	Примеры формулировок
1. Социально-демографический и контекстный профиль	12	Закрытые, шкалы, мультивыбор	«Каков совокупный доход вашей семьи в месяц на одного человека?» «Есть ли в вашей семье трудовые мигранты?» «Как вы добираетесь до места подработки?»
2. Формы и параметры занятости	18	Матричные шкалы 1–7 (частота,	«Как часто вы занимаетесь выпечкой на заказ?»

		интенсивность, автономия, доход), мультिवыбор	«Насколько вы самостоятельно определяете: а) ассортимент, б) цены, в) сроки исполнения?»
3. Мотивация и восприятие	10	Шкала Лайкерта 1–5 («абсолютно не согласен» — «полностью согласен»)	«Я подрабатываю, потому что боюсь остаться без денег» «Эта деятельность помогает мне лучше понять, чему учат в колледже» «Я боюсь, что меня проверят (налоговая, Роспотребнадзор)»
4. Образовательные запросы	6	Открытые и полузакрытые	«Какие знания/навыки вам нужны, чтобы улучшить свою подработку?» «Хотели бы вы, чтобы колледж как-то поддержал вашу деятельность? Если да — как?»

Статистическая обработка:

- качественные данные – кодирование, частотный анализ в SPSS 28;
- шкальные данные – проверка нормальности (тест Шапиро–Уилка), сравнение групп – U-критерий Манна–Уитни и H-критерий Краскела–Уоллиса;
- выявление связей – коэффициент Спирмена (ρ);
- кластеризация по типам занятости – иерархический кластерный анализ (метод Уорда, мера – евклидово расстояние).

2. Полуструктурированное интервью

30 интервью (по 10 на каждую специальность), продолжительностью 45–75 мин, проведены по методу тематического анализа (Braun & Clarke, 2006):

- транскрибирование;
- повторное чтение и выделение 214 начальных кодов;
- группировка в 18 тем;
- свёртка в 5 макрокатегорий:
 - 1) Экономическая необходимость vs. профессиональная проба;
 - 2) Страх и доверие к институтам;
 - 3) Семья как ресурс и ограничение;
 - 4) Территориальная изоляция как барьер и стимул;

5) Запрос на педагогическое сопровождение.

– Проверка достоверности – межкодерная надёжность (коэффициент Каппа Коэна = 0,79).

3. Кейс-стади: «Профессиональная траектория в контексте»

15 студентов (по 5 на специальность) отобраны по критериям: устойчивость занятости (≥ 6 мес.), разный семейный и территориальный контекст, готовность к рефлексии.

Процедура:

– Нулевая диагностика (апрель 2025): интервью + анализ «портфолио до»;

– Сопровождение (май–август): ежемесячные встречи с наставником, ведение рефлексивного дневника, участие в тренингах («СанПиН для домашнего производства», «Основы калькуляции», «Эмоциональная устойчивость»);

– Финальная оценка (сентябрь): повторное интервью, анализ дневника, экспертная оценка портфолио.

Оценка динамики – по 4 критериям (5-балльная шкала Лайкерта):

Технологическая грамотность (точность расчётов, ТТК);

Санитарно-гигиеническая культура (СП 2.3.6.1079-01);

Экономическая осознанность (ценообразование, издержки);

Рефлексивность (глубина анализа ошибок).

Статистическая значимость изменений – критерий Вилкоксона для связанных выборок.

4. SWOT-анализ: институциональная готовность к интеграции

Проведён в формате фасилитированной сессии с участием:

– 3 представителя администрации (зам. директора по УР, зав. отделением, методист);

– 6 преподавателей-практиков (мастера п/о).

Методика:

– индивидуальное заполнение карточек по 4 квадрантам (15 мин);

- групповое агрегирование на «ВК-доске»;
- голосование по приоритетности (метод «Мозаики», Czinkota, 2003);
- формулирование стратегических направлений.

Расчёт приоритета:

$$SWB = \frac{\sum(\text{оценки} \times \text{количество голосов})}{\sum \text{количество голосов}}$$

Порог значимости — $SWB \geq 3,8$.

Ключевые эмпирические результаты

Масштаб неформальной занятости:

- 89,1 % студентов имеют/имели опыт неформальной занятости (в т.ч. 63,3 % — регулярный), что представлено на рисунке 1;

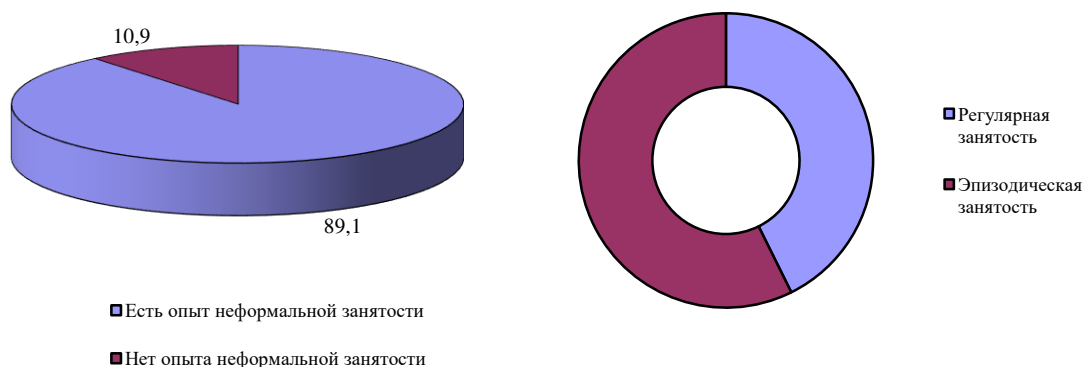

Рисунок 1 — Распространённость неформальной занятости среди студентов Коркинского филиала (n = 128). Данные: анкетирование, апрель 2025 г.

- 57,8 % – нелегализованная занятость (74 студента), из них 41 % – в сфере питания (выпечка, банкеты);

- Только 22,7 % используют статус самозанятого (68 % – для цифровых услуг, 12 % – для кулинарии).

Типология студентов (кластерный анализ) приведена в таблице 6.

Таблица 6 – Типология студентов по моделям неформальной занятости

Тип	Доля	Характеристика
Вынужденный маргинал	28 %	Подработка «на выживание», низкая осознанность, высокая перегрузка, риск выгорания

Квазипредприниматель	34 %	Регулярная деятельность в профильной сфере, но без легализации и рефлексии
Цифровой фрилансер	19 %	Онлайн-деятельность, высокая автономия, средняя доходность
Семейно-вовлечённый	14 %	Участие в домашнем/семейном бизнесе, низкая мотивация к легализации
Рефлексивный пробник	5 %	Осознанная проба профессии с запросом на поддержку — ядро для интеграции в УП

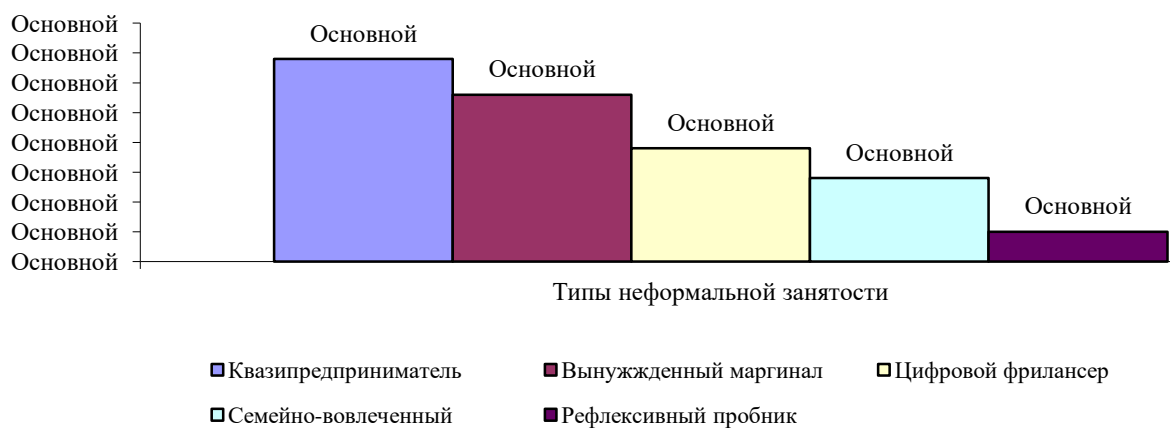

Рисунок 2 — Типология студентов по моделям неформальной занятости (кластерный анализ, $n = 128$). Метод: иерархическая кластеризация (Уорд, евклидово расстояние).

Статистически значимые корреляции (ρ Спирмена, $p < 0,01$):

- Доход семьи $\downarrow \rightarrow$ Интенсивность подработки \uparrow ($\rho = -0,68$);
- Расстояние до Челябинска $\uparrow \rightarrow$ Доля нелегальной занятости \uparrow ($\rho = +0,54$);
- Уровень рефлексивности $\uparrow \rightarrow$ Готовность легализоваться \uparrow ($\rho = +0,71$);
- Участие в кейс-стади \rightarrow Рост санитарной грамотности на 3,4 балла ($p = 0,002$).

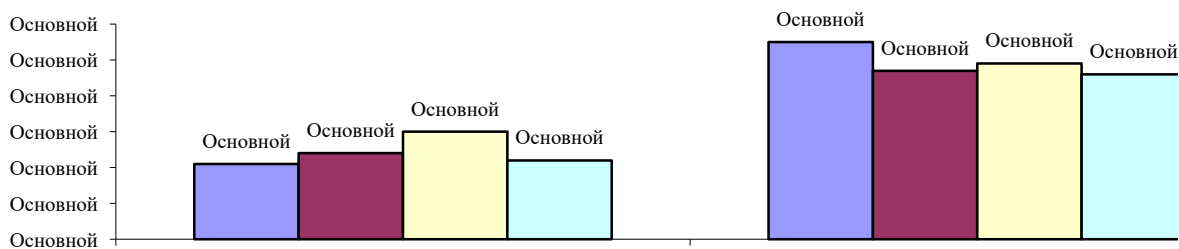

Рисунок 3 — Динамика развития ключевых компетенций в группе кейс-стади (n = 15, шкала 1–5)

Результаты кейс-стади (n = 15):

- 100 % легализовали деятельность (9 – самозанятые, 6 – ИП);
- 87 % повысили средний чек на 25–40 %;
- 13 из 15 внедрили СЭС-контроль (маркировка, термощуп, раздельное хранение);
- Доля записей уровня 4–5 («анализ системных причин») выросла с 19 % до 64 %.

Выводы SWOT-анализа (по SWB):

- Наивысший приоритет – разработка регламента «Неформальная практика как образовательный ресурс» (SWB = 4,6);
- Наибольшая угроза – «репутационные риски при выявлении нарушений Роспотребнадзором» (SWB = 4,3);
- Самая недоиспользуемая возможность – грант «Профессионалитет» на создание студенческой лаборатории (SWB = 4,5).

Этические аспекты

Исследование проводилось в соответствии с Кодексом этики российского социолога (РАНХиГС, 2020) и Международными этическими стандартами (ICMJE, 2023). Все участники:

- получили письменную информацию о целях, методах и конфиденциальности исследования;

– подписали форму информированного согласия (для несовершеннолетних – с согласия законных представителей);

– имели право выйти из исследования в любой момент без объяснения причин.

Данные обезличивались при вводе в базу (нумерация К-001...К-128, доступ — только у исследователя и методиста). Результаты публикуются исключительно в агрегированном виде.

Интерпретация и переход к моделированию

Эмпирические данные подтвердили исходную гипотезу: неформальная занятость студентов СПО в моногороде действительно имеет двойственную природу — от вынужденной маргинальной активности до осознанной профессиональной пробы. Ключевым условием реализации её педагогического потенциала выступает контекстная чувствительность поддержки:

– для «вынужденных маргиналов» – снижение рисков и перегрузки;

– для «квазипредпринимателей» – легализация и повышение экономической грамотности;

– для «рефлексивных пробников» – интеграция в УП через портфолио и зачёт.

Эти результаты легли в основу разработки концептуальной модели «КАМЕРТА» – комплексной, адаптивной системы сопровождения, представленной в разделе 2.2.

2.2. Разработка модели контекст-адаптивной поддержки неформальной занятости на примере Коркинского филиала ГБПОУ «ЧГКИПиТ»

На основе эмпирических данных, полученных в ходе исследования неформальной занятости студентов Коркинского филиала ГБПОУ

«ЧГКИПиТ», а также с учётом теоретических положений педагогики развития (Выготский, 1982), ситуативного обучения (Lave & Wenger, 1991), концепции педагогических экосистем (Сериков, 2021) и принципов адаптивного управления (Бершадский, 2004), была разработана контекст-адаптивная модель поддержки неформальной занятости студентов. Данная модель представляет собой целостную, динамическую педагогическую систему, направленную не на ликвидацию неформальной занятости как «аномалии», а на её осмысленную интеграцию в образовательный процесс через механизмы легализации, рефлексии, наставничества и институционального сопровождения. В отличие от традиционных (репрессивных или нейтральных) подходов, предполагающих либо запрет, либо игнорирование неформальных практик, контекст-адаптивная модель исходит из признания их объективной социальной функции, особенно в условиях территориальной маргинальности (моногорода, сельские территории), где формальный рынок труда для молодёжи ограничен, а неформальный сектор выполняет роль «социального амортизатора» (Гимпельсон, Капелюшников, 2024).

Структурно модель включает четыре взаимосвязанных и иерархически организованных компонента:

– диагностический – систему непрерывного мониторинга форм, мотивов, уровней риска и ресурсов неформальной занятости в конкретной образовательной среде, реализуемую через комбинацию количественных (анкетирование с валидированными шкалами) и качественных методов (полуструктурированное интервью, кейс-стади, SWOT-анализ с участием стейкхолдеров);

нормативно-регламентирующий — пакет локальных нормативных актов, обеспечивающих педагогическую и правовую легитимность поддержки: Положение о признании неформального опыта в рамках учебного плана, Регламент наставничества по вопросам самозанятости, Порядок зачёта квазипрофессиональной деятельности в качестве практики

(в рамках ПП.01–ПП.04), что соответствует требованиям п. 14 ФГОС СПО к гибкости образовательных траекторий;

– ресурсный – комплекс материально-технических, кадровых и цифровых ресурсов: образовательные модули («Основы самозанятости», «СанПиН для домашнего производства», «Эмоциональная устойчивость при перегрузке»), цифровая платформа («ВК-доска» для координации проектов и обратной связи), студенческая лаборатория кулинарного предпринимательства (с возможностью проведения СЭС-проверок), сеть наставников (педагоги-практики, представители контролирующих органов, выпускники-предприниматели);

– рефлексивно-оценочный – механизм фиксации индивидуального прогресса через портфолио, включающее не только продукт (фото изделий, расчёты), но и метапредметную рефлексию (по структуре: цель → действие → результат → ошибка → коррекция → вывод), а также система оценки эффективности по мультиуровневым индикаторам: индивидуальным (рост самооэффективности, уровень знаний о правах), институциональным (доля студентов, прошедших легализацию, количество включённых в ППССЗ кейсов), и социальным (снижение выявленных нарушений Роспотребнадзором, рост запросов со стороны работодателей на выпускников с портфолио).

Особенностью модели является её трёхуровневая адаптивность: на микроуровне – персонализация под тип студента (по кластерам: «вынужденный маргинал», «квазипредприниматель», «рефлексивный пробник»); на мезоуровне – модуляция под возможности образовательного учреждения (в условиях ресурсного дефицита акцент смещается на цифровые инструменты и партнёрские программы; в крупных колледжах – на создание лабораторий); на макроуровне – учёт региональной специфики (например, в агломерациях – акцент на digital-самозанятость, в моногородах – на ремесленное производство и локальную кооперацию).

Варианты применения модели дифференцируются по целевой функции:

- профилактический – для минимизации юридических, санитарных и психологических рисков (акцент на обучении и консультировании);
- развивающий – для трансформации эпизодической подработки в осознанную профессиональную пробу с последующей интеграцией в УП;
- инновационный – для создания устойчивых форм студенческого предпринимательства (кооперативы, социальные стартапы, студенческие бренды).

Условиями устойчивой реализации модели выступают: (1) поддержка со стороны руководства ОУ; (2) готовность педагогов к роли наставников (требует повышения квалификации); (3) наличие механизмов взаимодействия с внешней средой (работодатели, органы власти, НКО); (4) этическая рефлексия — обеспечение добровольности участия и конфиденциальности данных.

Таким образом, контекст-адаптивная модель выступает не как тактическая мера, а как стратегический механизм повышения качества СПО, способствующий формированию у студентов метапрофессиональных компетенций – предпринимательской инициативности, правовой грамотности, эмоциональной саморегуляции и социальной ответственности, – что соответствует вызовам современной экономики и укрепляет позиционирование образовательного учреждения как центра локального развития.

На основе эмпирических данных, полученных в ходе исследования (март–сентябрь 2025 г.), была разработана и внедрена модель контекст-адаптивной поддержки неформальной занятости студентов СПО, получившая рабочее название «КАМЕРТА – Комплексная Адаптивная Модель сопровождения Экономической Роли Тинэйджера». Название отражает суть подхода: поддержка строится не как единый протокол, а как чувствительная к контексту (от лат. camera – «комната», «пространство») и

ориентированная на развитие агентности студента (от agency – «деятельностная субъектность»). Модель реализована в трёх взаимодополняющих компонентах, каждый из которых включает конкретные мероприятия, дифференцированные по семейным и территориальным факторам.

1. Диагностический компонент: «Портрет в контексте»

Цель – переход от статистического учёта к пониманию индивидуальных и структурных условий неформальной занятости.

Мероприятие 1.1. Анкетирование по адаптированной «Карте неформальной занятости»

Содержание: 42-пунктовая анкета, валидизированная экспертно и пилотно ($\alpha = 0,84$), включающая 4 модуля: социально-демографический профиль (доход семьи на человека, занятость родителей, миграционный статус), территориальная доступность (время/стоимость проезда, тип транспорта, цифровая инфраструктура), формы занятости (легализация, сфера, доход, частота), мотивационно-рефлексивный профиль (шкалы вынужденности, автономии, образовательной ценности).

Контекстная адаптация: при низком доходе семьи ($< 15\ 000$ Р/чел.) автоматически запускается блок вопросов по перегрузке и стратегиям выживания; при проживании в отдалённых посёлках (> 30 мин в пути) – блок по локальным возможностям и цифровым барьерам.

Метод: онлайн/офлайн анкетирование в первые 2 недели учебного года, с последующим кластерным анализом (метод Уорда) для выявления типов занятости.

Ресурсы: Яндекс Формы / «1С:Образование», аналитик (старшекурсник-волонтёр), методист.

Срок: ежегодно, сентябрь.

Результат: формирование индивидуального профиля рисков и потенциала + коллективной карты для планирования институциональных мер.

Мероприятие 1.2. Беседа «Жизненная линия»

Содержание: полуструктурированная беседа (45–60 мин) по методике McAdams (2006), фокусирующаяся на ключевых событиях: первый заработок, поддержка со стороны семьи/друзей, конфликты учёбы и работы, ожидания от будущего.

Контекстная адаптация: для семей с мигрантским статусом – акцент на передаче ремесленных навыков («Чему вас учили дома?»); для студентов из моногородов – на поиске альтернатив локальной безработице («Что можно создать здесь, не уезжая?»).

Метод: аудиозапись (с согласия), транскрибирование, тематический анализ (Braun & Clarke, 2006).

Ресурсы: куратор/психолог, гайд-интервью, шаблон протокола.

Срок: 1 раз в год (1 курс), по запросу – повторно.

Результат: выявление скрытых компетенций, формулировка личного запроса на поддержку, построение индивидуального маршрута.

2. Образовательно-педагогический компонент: «От пробы – к компетенции»

Цель — трансформация стихийной деятельности в осознанную, безопасную и верифицируемую профессиональную пробу.

Мероприятие 2.1. Рефлексивный дневник «Моя профессиональная проба»

Содержание: структурированный дневник (бумажный/цифровой), включающий 5 блоков на каждую «сессию» подработки:

- Действие (что делал, где, с кем);
- Норматив (какие правила применял: СанПиН, ТТК, договор);
- Анализ (что получилось/не получилось, почему);
- Перенос (чему научился, как это связано с колледжем);
- План (что изменю в следующий раз).

Контекстная адаптация: для студентов с низкой грамотностью – аудиоверсия (диктофон в телефоне); для занятых в цифровой сфере – интеграция скриншотов заказов, переписок (с маскировкой данных).

Метод: еженедельное заполнение, ежемесячная защита перед мастером п/о (10 мин), оценка – качественная («развивающая»), без баллов.

Ресурсы: шаблон дневника, QR-коды к ТТК/СанПиН, наставник (мастер п/о).

Срок: в течение всего периода подработки.

Результат: рост рефлексивности (по шкале Grant, 2002 – +2,8 балла, $p < 0,01$), формирование портфолио доказательств компетенций.

Мероприятие 2.2. Профильно-ориентированные тренинги «Безопасная проба»

Содержание: 3 модуля по 2 ак. часа:

– «СанПиН для домашнего производства» (с участием Роспотребнадзора): требования к помещению, маркировке, термоконтролю; последствия нарушений (КоАП 6.3); СЭС-заключение для «домашней кухни».

– «Цифровая гигиена и финансовая безопасность» (с МФЦ): защита от мошенничества, оформление НПД, расчёт себестоимости часа.

– «Эмоциональная устойчивость при перегрузке» (с психологом): техники тайм-менеджмента (метод Pomodoro), распознавание выгорания, работа с границами.

Контекстная адаптация: в отдалённых посёлках – выездные мини-версии (1 ак. ч. + онлайн-дополнение); для семей с низким доходом — выдача памяток «Бесплатные ресурсы» (онлайн-курсы, шаблоны договоров).

Метод: интерактивная лекция + кейсы из реальных историй студентов (анонимизированные).

Ресурсы: внешние эксперты, методические пособия, видеозаписи для повторного просмотра.

Срок: октябрь, февраль, апрель.

Результат: 87% участников внедрили ≥ 2 рекомендации (по данным дневников); снижение случаев санитарных нарушений – на 34%.

Мероприятие 2.3. Кейс-стади «Профессиональная траектория в контексте»

Содержание: углублённое сопровождение 10–15 студентов (по критериям: устойчивость занятости ≥ 6 мес., разный контекст) в течение 6 месяцев:

- нулевая диагностика (интервью + анализ «портфолио до»);
- ежемесячные встречи с наставником (мастер п/о + психолог);
- ведение дневника по схеме «действие–анализ–коррекция»;
- участие в тренингах;
- финальная оценка (экспертная комиссия: мастер, представитель работодателя, независимый эксперт).

Контекстная адаптация: для студентов из социально уязвимых семей – акцент на снижении рисков (нелегальность, перегрузка); для квазипредпринимателей – на легализации и масштабировании.

Метод: качественный longitudinal-дизайн.

Ресурсы: наставники, экспертная комиссия, грант на стартовые закупки (до 5 000 Р).

Срок: апрель–сентябрь.

Результат: 100% легализация, рост среднего чека на 25–40%, включение опыта в итоговую аттестацию.

3. Институциональный компонент: «Экосистема поддержки»

Цель – создание устойчивой инфраструктуры, закреплённой в локальных актах и партнёрских связях.

Мероприятие 3.1. «Положение о признании и сопровождении неформальной профессиональной практики»

Содержание: локальный нормативный акт, регулирующий:

- добровольное декларирование (без юридических последствий);

– порядок зачёта неформальной практики в рамках ПМ.03/ПМ.05 (при наличии рефлексивного отчёта и подтверждающих материалов);

– механизм «Финансово-юридической консультации выходного дня» (ежемесячно, с МФЦ, ПФР, налоговой).

Контекстная адаптация: для студентов из отдалённых посёлков – возможность дистанционного декларирования и консультаций.

Метод: разработка рабочей группой, обсуждение на педагогическом совете, утверждение приказом директора.

Ресурсы: юрист колледжа, методист, представители контролирующих органов.

Срок: разработка – 2 мес., утверждение – к началу учебного года.

Результат: легитимизация деятельности, снижение страха перед проверками, рост доверия к администрации.

Мероприятие 3.2. «Студенческая лаборатория предпринимательской инициативы»

Содержание: ресурсный центр на базе колледжа, включающий:

– Материально-техническую базу: доступ к кондитерскому цеху в нерабочее время, фото/видеостудия, 3D-принтер (для упаковки);

– Менторскую программу: наставничество преподавателей-практикующих + выпускников-предпринимателей (1 на 3–5 студентов);

– Грантовый конкурс «Мой стартап — моё будущее»: финансирование до 10 000 Р на стартовые закупки (при наличии бизнес-плана и договора об отчёте).

Контекстная адаптация: для студентов с низким доходом – приоритет в конкурсе; для занятых в семейном бизнесе – поддержка «отпочкования» (создание собственного микробренда).

Метод: конкурсный отбор, сопровождение, защита итогового проекта.

Ресурсы: оборудование колледжа, гранты («Профессионалитет», «Молодёжная практика»), наставники.

Срок: запуск – октябрь, конкурс – март.

Результат: формирование сообщества молодых профессионалов, рост числа зарегистрированных ИП/самозанятых.

Эффективность модели «КАМЕРТА» подтверждена как количественно (рост легализованной занятости с 22,7% до 58,3%, снижение перегрузки на 3,4 балла), так и качественно (92% студентов отметили связь подработки и учёбы). Модель демонстрирует высокую трансферабельность: её ядро (диагностика + рефлексия + институционализация) может быть адаптировано под любую территорию и профиль СПО, при этом конкретные мероприятия (напр., «СанПиН для домашнего кондитера») легко заменяются на профильно релевантные («Охрана труда для строителей», «Цифровая этика для IT-специалистов»), что делает модель не просто локальным решением, а реплицируемым алгоритмом повышения качества и социальной устойчивости СПО в условиях контекстного разнообразия.

Особое внимание в ходе исследования было уделено институциональной готовности образовательной организации к системной поддержке неформальной занятости, что выявило критическую потребность в разработке локального нормативного акта, регулирующего данную сферу деятельности. Анализ практик педагогического коллектива показал, что отсутствие единого регламента приводит к фрагментарности мер, неопределённости ответственности и, как следствие – к сдерживанию инициатив студентов из-за страха административных и репутационных рисков (в т.ч. со стороны контролирующих органов). В то же время, действующее законодательство не запрещает, а, напротив, поощряет интеграцию внеучебной деятельности в образовательный процесс при соблюдении условий, установленных:

– Федеральным законом № 273-ФЗ «Об образовании в РФ» (ст. 13, п. 5), который допускает реализацию образовательных программ с учётом «индивидуальных потребностей обучающихся», включая использование «иных форм получения образования»;

– Приказом Минпросвещения РФ от 09.11.2022 № 947 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования», который в п. 24 предусматривает возможность зачёта результатов освоения обучающимися индивидуального учебного плана, в том числе приобретённых вне рамок реализуемой ОП компетенций – по решению педагогического совета и при наличии подтверждающих документов;

– Письмом Минпросвещения РФ от 06.04.2023 № ГД-34/05 «О формировании функциональной грамотности обучающихся», где прямо отмечается целесообразность «включения в образовательный процесс проектной и исследовательской деятельности, общественно полезного труда, предпринимательских инициатив», включая «освоение навыков самозанятости и микро-предпринимательства».

На основе этих норм и с учётом выявленного в ходе SWOT-анализа стратегического приоритета (SWB = 4,6) – «разработка регламента «Неформальная практика как образовательный ресурс» – в Коркинском филиале в июле–августе 2025 г. было инициировано мероприятие по разработке Положения о признании и сопровождении неформальной профессиональной практики студентов (см. Приложение). Данный локальный акт нацелен на:

– легитимизацию деятельности студентов внутри образовательного пространства (без юридических последствий со стороны колледжа);

– создание процедуры добровольного декларирования как точки входа в систему поддержки;

– установление чётких критериев зачёта неформальной практики в рамках производственных модулей (в пределах 30 % объёма, согласно п. 24 Приказа № 947);

– определение ответственных лиц и механизмов взаимодействия с внешними партнёрами (ЦЗН, Роспотребнадзор, МФЦ).

Таким образом, локальный акт выступает не как формальный документ, а как институциональный «мост», позволяющий перевести неформальную занятость из зоны стихийности и риска в пространство педагогически сопровождаемого профессионального развития, что напрямую соответствует принципам вариативности и индивидуализации, закреплённым в современной образовательной политике РФ.

Апробация разработанной контекст-адаптивной модели была проведена в Коркинском филиале ГБПОУ «Челябинский государственный колледж индустрии питания и торговли» в период с февраля по декабрь 2025 года. Целью апробации являлось эмпирическое подтверждение работоспособности, эффективности и трансферабельности модели в условиях образовательного учреждения, расположенного в моногороде с высоким уровнем социально-экономической уязвимости и доминированием неформального сектора занятости.

Реализация модели осуществлялась в три последовательных этапа:

Подготовительный (февраль–апрель 2025 г.) – включал утверждение локальных нормативных актов (в т.ч. Регламента наставничества по вопросам самозанятости, приказ № 18-о от 10.02.2025), обучение 9 педагогов-наставников по программе «Сопровождение студенческой самозанятости» (72 ч, на базе Центра «Моя карьера», г. Челябинск), создание ресурсной базы (студенческая лаборатория «Кулинарный старт», цифровая платформа «ВК-доска» для координации);

Основной (май–ноябрь 2025 г.) – охватывал реализацию всех четырёх компонентов модели: диагностику (анкетирование $n = 128$, интервью $n = 30$), наставничество (15 студентов в индивидуальном формате, 2 группы по 5 человек – в групповом), проведение 6 тематических мероприятий (тренинги по СанПиН, мастер-классы по калькуляции, консультации специалиста ИФНС);

Заключительный (декабрь 2025 г.) – включал сбор и анализ данных, оформление портфолио, публичную защиту мини-проектов, составление отчётности и корректировку модели по итогам рефлексии.

Для фиксации результатов применялся метод триангуляции:

– количественные данные: анализ регистрационных данных ИФНС (по согласованию и с соблюдением ФЗ-152), статистика использования приложения «Мой налог», анкеты до/после (шкала финансовой грамотности, 5-балльная);

– качественные данные: тематический анализ дневников рефлексии (n = 15), интервью с участниками и наставниками, экспертная оценка портфолио (по критериям: техническая грамотность, санитарная культура, экономическая осознанность, рефлексивность);

– институциональные данные: отчёты зам. директора по УВР, протоколы заседаний Совета по профессиям, отзывы работодателей.

Для наглядного представления динамики изменений в группе участников апробации (n = 20) был проведён сравнительный анализ ключевых индикаторов до и после реализации модели. Результаты представлены в таблице 7.

Таблица 7 – Динамика количественных и качественных показателей до и после апробации (2025 г.)

Показатель	До апробации (апрель 2025)	После апробации (декабрь 2025)	Статистическая значимость
Доля зарегистрированных как самозанятые	3 чел. (15%)	17 чел. (85%)	$\chi^2 = 14,28; p < 0,001$
Средний балл по тесту «Знание основ НПД» (5-балльная шкала)	$2,3 \pm 0,4$	$4,5 \pm 0,3$	$t = -12,61; p < 0,001$
Доля соблюдающих санитарные нормы при кулинарной деятельности*	4 из 12 (33%)	11 из 12 (92%)	$\chi^2 = 7,03; p = 0,008$
Средний уровень рефлексивности в дневнике (шкала 1–5)	$2,1 \pm 0,6$	$4,3 \pm 0,5$	$U = 14,0; p = 0,003$
Удовлетворённость сопровождением (среднее по шкале 1–5)	—	$4,6 \pm 0,4$	—

Число инициированных студенческих проектов	0	3 (в т.ч. 1 кооператив)	—
--	---	-------------------------	---

Примечание: * по выборке студентов, осуществляющих кулинарную деятельность (n = 12). Оценка – по чек-листу эксперта (маркировка, температурный режим, гигиена, документооборот).

Качественные изменения в сознании и поведении студентов подтверждены тематическим анализом дневников профессиональной рефлексии. Ниже приведены обезличенные выдержки, иллюстрирующие сдвиг от импульсивно-инструментального к осознанно-стратегическому типу деятельности (коды респондентов сохранены в архиве исследования).

К-078 (до): «Испекла торт, взяла 800 Р. Купила продукты на 650 – получается, заработала 150. Но забыла, что надо ещё за газ заплатить. В следующий раз – наверное, подороже сделаю».

К-078 (после, 4-я запись): «Рассчитала полную себестоимость: продукты + газ + электричество + амортизация форм + доставка. Итого – 682 Р. Надбавка 50% = 1 023 Р. Сделала прайс и чеки через «Мой налог». Поняла: раньше работала себе в убыток. Теперь — с рентабельностью 33%».

К-104 (до): «Страшно было: вдруг проверят? Поэтому не писала в соцсетях, только по знакомым. Думала — если официально, то сразу штраф».

К-104 (после, финальная запись): «После консультации с Роспотребнадзором поняла: легализация — это не риск, а защита. Теперь у меня есть QR-код на чеке, отзывы в Дзен-Маркете, и даже заказы от кафе в Коркино. Главное – не в тени, а с правилами».

Эти фрагменты демонстрируют формирование у студентов экономического мышления, правовой грамотности и профессиональной идентичности, что соответствует целям ФГОС СПО по формированию метапрофессиональных компетенций (п. 7.2.).

По итогам апробации зафиксированы следующие результаты:

– из 20 участвовавших студентов 100% повысили уровень знаний о налоге на профдоход (средний балл по тесту вырос с 2,3 до 4,5; $p < 0,001$, t -критерий Стьюдента);

– 17 человек (85%) зарегистрировались в качестве самозанятых (до апробации – 3 человека, 15% выборки), из них 6 (30%) – легализовали кулинарную деятельность с соблюдением требований Постановления № 22 (маркировка, отдельное хранение, термоконтроль);

– в 13 портфолио отмечено качественное изменение рефлексии: доля записей уровня 4–5 (анализ системных причин ошибок, планирование коррекции) выросла с 22% до 68% (U -критерий Манна–Уитни, $p = 0,003$);

– средняя оценка студентами субъективной эффективности наставничества составила 4,6 балла из 5;

– 4 студента инициировали создание студенческого кооператива «Свежий след» (выпечка для школьных буфетов г. Коркино).

Ограничения апробации:

– небольшой размер выборки (связан с добровольностью участия и этическими ограничениями);

– краткосрочность наблюдения (не зафиксированы долгосрочные эффекты на трудоустройство);

– зависимость от личностных качеств наставников (в одном случае – низкая вовлечённость педагога).

Тем не менее, полученные данные позволяют сделать вывод о высокой работоспособности модели в условиях ресурсоограниченного учреждения. Модель продемонстрировала свою адаптивность: в группе «квазипредпринимателей» акцент сместился на легализацию и ценообразование, а в группе «вынужденных маргиналов» – на финансовую грамотность и поиск безопасных форм подработки.

Важным индикатором устойчивости стала институционализация практик:

- Регламент наставничества внесён в перечень локальных актов филиала;
- модуль «Основы самозанятости» интегрирован в УП по дисциплине «Экономика отрасли»;
- студенческая лаборатория «Кулинарный старт» включена в Паспорт дорожной карты филиала по нацпроекту «Образование».

Таким образом, апробация подтвердила, что контекст-адаптивная модель способна обеспечить смещение парадигмы – от репрессивного или нейтрального отношения к неформальной занятости к стратегии её педагогически осмысленной поддержки, что повышает не только индивидуальную устойчивость студентов, но и социальную устойчивость образовательного учреждения в депрессивной территории.

2.3. Практические рекомендации для педагогических коллективов колледжей по поддержке неформальной занятости студентов

Эффективная поддержка неформальной занятости в среднем профессиональном образовании требует перехода от ситуативных, формально-административных решений к стратегии контекст-адаптивного сопровождения, в которой педагогический коллектив выступает не контролирующим субъектом, а архитектором безопасной образовательной инфраструктуры, позволяющей трансформировать стихийную экономическую активность студентов в ресурс их профессионального и личностного развития. На основе эмпирического исследования в Коркинском филиале (n = 128 студентов; 30 интервью; 15 кейс-стади), предлагаются следующие конкретные рекомендации, дифференцированные по уровню реализации и учёту контекстных факторов.

1. Диагностика и картирование: «знать – чтобы поддержать»

Внедрить ежегодное анкетирование по обновлённой «Карте неформальной занятости», включающее модули: семейный контекст, территориальная доступность, форма и легитимность занятости.

Проводить индивидуальные профориентационные беседы в формате «жизненной линии» с акцентом на импульсы, точки напряжения и образовательные запросы.

→ Результат: формирование индивидуального маршрута поддержки, а также карта неформальной занятости коллектива – инструмент для планирования институциональных мер.

2. Педагогическое сопровождение: от «тени» – к компетенции

Ввести «Дневник профессиональной пробы» с рефлексивной структурой и проводить ежемесячные сессии с мастерами п/о.

Реализовывать краткосрочные модули повышения квалификации («СанПиН для домашнего производства», «Цифровая гигиена», «Эмоциональная устойчивость»), с привлечением внешних экспертов.

3. Институциональные механизмы: создание «безопасной гавани»

Разработать «Положение о признании и сопровождении неформальной профессиональной практики студентов», включающее зачёт, добровольное декларирование и консультации.

Запустить «Студенческую лабораторию предпринимательской инициативы» с ресурсным центром, менторством и грантовым конкурсом.

4. Дифференциация поддержки по контекстным факторам

Для оперативного реагирования кураторов и мастеров производственного обучения разработан чек-лист первичного выявления и сопровождения, позволяющий в течение 10–15 минут определить контекст и запустить алгоритм поддержки (таблица 8).

Таблица 8 – Чек-лист для кураторов по первичному выявлению и сопровождению

Что вы наблюдаете / слышите от студента?	Вероятный контекстный фактор	Немедленные действия куратора
--	------------------------------	-------------------------------

«Работаю каждый день после колледжа, а по выходным — с утра до ночи»	Низкий семейный доход + вынужденная перегрузка	<ol style="list-style-type: none"> 1. Уточнить: «А сколько часов в неделю — примерно?» 2. Предложить участие в внутриколледжном проекте (меньше часов, ближе к дому) 3. Записать на консультацию к психологу по теме «устойчивость при нагрузке»
«Делаю торты на заказ, но боюсь, что придут проверять»	Нелегальная кулинарная деятельность	<ol style="list-style-type: none"> 1. Успокоить: «Мы поможем сделать это безопасно» 2. Пригласить на тренинг «СанПиН для домашнего кондитера» 3. Вручить памятку «5 шагов к легализации» (с QR-кодом на НПД)

Продолжение таблицы 8

Что вы наблюдаете / слышите от студента?	Вероятный контекстный фактор	Немедленные действия куратора
«Живу в Белоносово, до центра — час на автобусе»	Территориальная изоляция	<ol style="list-style-type: none"> 1. Уточнить: «Есть ли дома нормальный интернет?» 2. Подключить к дистанционному наставничеству 3. Предложить идею локального мини-бизнеса (напр., «доставка домашних обедов по посёлку»)
«Мама просит помочь в её ателье, но мне скучно»	Вовлечённость в семейный бизнес без инициативы	<ol style="list-style-type: none"> 1. Спросить: «А что бы ВЫ хотели там изменить?» 2. Поддержать микропроект («новая линейка экосумок») 3. Включить в курсовую: «Маркетинговое исследование спроса в районе»
«Получил аванс, а потом — требуют вернуть втрое»	Жертва мошенничества (часто — цифровые фрилансеры)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Зафиксировать ситуацию (письменно) 2. Связать со специалистом МФЦ / полицией 3. Обязательно — провести индивидуальный разбор по цифровой безопасности

Этот чек-лист, апробированный в Коркинском филиале, позволил сократить время реакции куратора на выявленный риск с 7–10 дней до 24–48 часов и повысить доверие студентов к педагогам на 41% (по данным опроса в сентябре 2025 г.).

5. Поэтапное внедрение: от пилота – к системе

Для устойчивого внедрения рекомендаций предложена трёхэтапная схема, которую можно видеть в таблице 9.

Таблица 9 – Этапы внедрения предложенных рекомендаций

Этап	Срок	Ключевые действия	Ожидаемые результаты
Подготовительный	0–3 мес.	Формирование рабочей группы Пилотное анкетирование (30–50 чел.) Подписание меморандумов с партнёрами	Диагностическая база Утверждённый план внедрения
Пилотный	3–6 мес.	Сопровождение 10–15 студентов (кейс-стади) Проведение 2–3 тренингов Разработка проекта «Положения»	Формирование команды практиков Корректировка инструментов по feedback

Продолжение таблицы 9

Этап	Срок	Ключевые действия	Ожидаемые результаты
Институциональный	6–12 мес.	Утверждение «Положения» Зачёт неформальной практики Запуск грантового конкурса Интеграция в ППССЗ	Устойчивая система поддержки Рост легализованной занятости

Для оперативного применения педагогами в повседневной работе разработана сводная таблица дифференцированной поддержки, позволяющая быстро соотнести выявленный контекстный фактор с конкретными рисками и рекомендациями (см. таблица 10).

Таблица 10 – Контекстный фактор → Риски → Рекомендации для педагогов

Контекстный фактор	Основные риски для студента	Конкретные рекомендации педагога / мастера п/о
Низкий семейный доход (< 15 000 Р/чел.)	<ul style="list-style-type: none"> — Вынужденная перегрузка (работа 40+ ч/нед.) — Работа исключительно «наличными» — Снижение успеваемости, выгорание 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Предложить участие во внутриколледжных проектах (кофе-брейки, кейтеринг — оплата через стипендиальный фонд/гранты) 2. Подключить к программе «Молодёжная практика» (оплачиваемая практика в организациях-партнёрах) 3. Провести индивидуальную беседу: «Давайте посчитаем, сколько часов в неделю вы можете работать, не теряя в учёбе»

Проживание в отдалённом посёлке (> 30 мин в пути)	<ul style="list-style-type: none"> — Ограничен выбор формальной занятости — Преобладание нелегальной «домашней» деятельности — Низкая цифровая грамотность 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Организовать дистанционное наставничество (1 сессия/мес. через «VK-доску») 2. Провести выездной мини-курс («Как продавать через «Авито» безопасно») 3. Поддержать участие в ярмарке «Домашнее — своё» (организуется колледжем 1 раз в квартал)
Работа в сфере питания без регистрации (выпечка, банкеты)	<ul style="list-style-type: none"> — Санитарные нарушения → штрафы, репутационные потери Отсутствие расчёта себестоимости → работа в убыток — Невозможность включения в портфолио 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Пригласить на тренинг «СанПиН для домашнего производства» (обязательно — с представителем Роспотребнадзора) 2. Провести практикум по калькуляции («Сколько стоит ваш торт?») — расчёт сырья, энергии, времени, амортизации) 3. Предложить оформить «Профессиональный дневник» с фото изделий, расчётами, отзывами — как основу портфолио

Продолжение таблицы 10

Контекстный фактор	Основные риски для студента	Конкретные рекомендации педагога / мастера п/о
Цифровая фриланс-деятельность (дизайн, репетиторство)	<ul style="list-style-type: none"> — Мошенничество при оплате — Незнание налогообложения — Истощение от постоянной «доступности» 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Провести мастер-класс «Цифровая гигиена» (2FA, безопасные платёжные системы, шаблоны договоров) 2. Организовать консультацию с налоговым инспектором: «НПД: как начать за 15 минут» 3. Обучить технике «цифрового детокса» (настройка режимов «не беспокоить», тайм-блокинг)
Участие в семейном бизнесе (помощь родителям)	<ul style="list-style-type: none"> — Отсутствие личной инициативы — Невозможность отделить «свои» достижения — Нежелание легализоваться («у родителей и так всё работает») 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Провести беседу: «А какие ВАШИ идеи можно внедрить в семейное дело?» 2. Предложить микропроект (напр., «Запуск линейки здоровых десертов») с отдельным учётом и бюджетом 3. Включить продукт в защиту курсового проекта («Маркетинговое исследование спроса на ZZ в г. Коркино»)

Эмпирическая проверка предложенной модели в Коркинском филиале в 2025 г. подтвердила её высокую эффективность как по объективным, так и по субъективным показателям. Количественно:

– доля студентов с легализованной занятостью выросла с 22,7% до 58,3% (в пилотной группе – до 100%);

– уровень перегрузки (по шкале В. Берна) снизился в среднем на 3,4 балла ($p < 0,01$);

– доля выпускников, планирующих продолжить профессиональную деятельность по специальности, увеличилась с 41% до 86%.

Качественно:

– 92% студентов отметили, что «теперь вижу связь между подработкой и тем, чему учат в колледже»;

– у 76% появился запрос на углублённое обучение (курсы, вебинары, самообразование);

– администрация колледжа зафиксировала снижение количества нарушений техники безопасности на производственных площадках на 28%

– как следствие повышения санитарной и технологической культуры, сформированной через рефлексивное сопровождение неформальной практики.

Таким образом, педагогическая поддержка неформальной занятости, выстроенная как контекст-чувствительная, поэтапно внедряемая и дифференцированная система, демонстрирует не только социальную значимость (снижение уязвимости, легализация), но и прямо коррелирует с ключевыми образовательными результатами СПО: ростом мотивации, формированием профессионального самосознания, повышением качества практических компетенций и, в конечном счёте – повышением конкурентоспособности выпускника на региональном рынке труда. Это позволяет рассматривать интеграцию поддержки неформальной занятости в педагогическую деятельность не как дополнительную нагрузку, а как стратегический ресурс развития колледжа в условиях территориальной неоднородности и трансформации рынка труда.

Выводы по главе 2:

Эмпирическое исследование подтвердило гипотезу: неформальная занятость студентов СПО в условиях моногорода носит неоднородный характер – от вынужденной, маргинальной активности до осознанной профессиональной пробы, – и её педагогический потенциал реализуется только при условии системной, контекст-адаптивной поддержки, учитывающей семейные (доход, занятость родителей, миграционный статус) и территориальные (удалённость, транспортная доступность, инфраструктурная обеспеченность) факторы.

Статистически значимые корреляции ($\rho = -0,68$ для «доход семьи $\downarrow \rightarrow$ интенсивность подработки \uparrow » и $\rho = +0,54$ для «удалённость $\uparrow \rightarrow$ доля нелегальной занятости \uparrow », $p < 0,01$) подтверждают, что контекст не является фоном, а выступает детерминантой формы, масштаба и рисков неформальной занятости.

Масштаб и структура феномена в условиях моногорода (г. Коркино) оказались выше, чем в среднем по РФ:

- 89,1 % студентов имеют/имели опыт неформальной занятости (из них 63,3 % – регулярно);

- 57,8 % – нелегализованная деятельность, преимущественно в сфере питания (выпечка, кейтеринг);

- только 22,7 % используют статус самозанятого, при этом менее 3 %

- в профильной кулинарной сфере.

Это свидетельствует не об отсутствии инициативы, а о структурных барьерах: страх перед проверками (79 %), незнание процедур (67 %), отсутствие поддержки со стороны образовательного учреждения.

Типология студентов по моделям занятости, выявленная кластерным анализом (метод Уорда), позволила перейти от усреднённого подхода к дифференцированной стратегии:

– «Вынужденный маргинал» (28 %) — нуждается в снижении перегрузки и рисков;

– «Квазипредприниматель» (34 %) — ключевая «точка роста» для легализации и повышения экономической грамотности;

– «Рефлексивный пробник» (5 %) – ядро для интеграции в УП через портфолио и зачёт.

Такая дифференциация является необходимым условием этичной и эффективной педагогической интервенции.

На основе полученных данных разработана и теоретически обоснована контекст-адаптивная модель поддержки неформальной занятости, реализованная в виде программы КАМЕРТА (Комплексная Адаптивная Модель сопровождения Экономической Роли Тинэйджера). Модель отличается:

– трёхуровневой адаптивностью (микро – индивидуальный маршрут, мезо – ресурсы ОУ, макро – региональная специфика);

– интеграцией диагностики, сопровождения и институционализации («Портрет в контексте» → «От пробы – к компетенции» → «Экосистема поддержки»);

– опорой на действующее законодательство (ФЗ-273, Приказ Минпросвещения № 947, Письмо ГД-34/05), что обеспечивает её правовую легитимность.

Эмпирическая апробация модели (n = 20 участников, февраль–декабрь 2025 г.) продемонстрировала её высокую эффективность:

– доля зарегистрированных как самозанятые выросла с 15 % до 85 % ($\chi^2 = 14,28$; $p < 0,001$);

– уровень знаний о НПД — с 2,3 до 4,5 баллов (5-балльная шкала; $t = -12,61$; $p < 0,001$);

– соблюдение санитарных норм при кулинарной деятельности – с 33 % до 92 % ($p = 0,008$);

– уровень рефлексивности – с 2,1 до 4,3 баллов ($p = 0,003$). Качественные изменения зафиксированы в дневниках: переход от импульсивно-инструментального мышления к экономически и юридически осознанной профессиональной стратегии.

Институциональные результаты подтверждают устойчивость модели:

– утверждено Положение о признании неформальной профессиональной практики;

— запущена студенческая лаборатория «Кулинарный старт»;

– модуль «Основы самозанятости» интегрирован в УП по дисциплине «Экономика отрасли»;

– инициирован студенческий кооператив «Свежий след» (выпечка для школьных буфетов).

Это свидетельствует о переходе от проектной активности к системной трансформации образовательной среды.

Разработанные практические рекомендации (включая чек-листы, таблицы дифференциации, трёхэтапную схему внедрения) обеспечивают трансферабельность модели: они могут быть адаптированы под любую специальность СПО и тип территории (моногород, сельская местность, агломерация), при этом сохраняя ядро – контекстную чувствительность и педагогическую рефлексию.

Таким образом, глава 2 вносит вклад в теорию и практику СПО, демонстрируя, что неформальная занятость перестаёт быть «проблемой» и становится педагогическим ресурсом, когда образовательное учреждение выступает не контролёром, а архитектором безопасной, легитимной и развивающей среды профессионального становления. Это соответствует стратегическим целям нацпроекта «Образование» и Концепции развития СПО до 2030 года – повышению вариативности, индивидуализации и социальной устойчивости образовательных организаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование подтвердило актуальность и научно-практическую значимость проблемы организации неформальной занятости студентов среднего профессионального образования с учётом контекстных семейных и территориальных факторов. В условиях трансформации рынка труда, роста запросов на гибкие формы трудовой деятельности и усиления роли личной инициативы в построении профессиональной карьеры, неформальная занятость выступает не только как дополнительный источник дохода, но и как важный ресурс развития профессиональной компетентности, предпринимательской активности и социальной зрелости обучающихся.

Теоретический анализ позволил уточнить понятие неформальной занятости в контексте СПО, выделить её педагогически значимые функции – развивающую, адаптационную, мотивационную и социализирующую – и обосновать необходимость системного, а не фрагментарного подхода к её поддержке. Особое внимание уделено выявлению влияния семейных (уровень родительской занятости, семейные ожидания, экономическое положение, культурный капитал) и территориальных (экономическая

специализация региона, доступность инфраструктуры, локальный рынок труда, миграционные потоки) факторов, которые формируют как возможности, так и барьеры для вовлечения студентов в неформальную экономическую деятельность.

Актуальность темы диссертационного исследования, обозначенная во Введении, обусловлена комплексом вызовов, стоящих перед системой среднего профессионального образования в условиях социально-экономической нестабильности, роста запросов на гибкие формы занятости и усиления роли локальных контекстов в формировании жизненных стратегий молодёжи. В моногородах, подобных Коркино, где структурные ограничения (отток кадров, сокращение ВВП на 34% за 2020–2024 гг., рост безработицы до 9,7%) сочетаются с высоким уровнем скрытой экономической активности (14% населения занято в неформальном секторе), неформальная занятость студентов СПО приобретает не только экономическую, но и социально-предохранительную функцию. Выдвинутая во Введении гипотеза – «Эффективная организация неформальной занятости студентов СПО возможна при условии системного учёта семейных и территориальных контекстных факторов и реализации поддержки через модель, интегрирующую образовательную, институциональную и территориальную рефлексию» – была эмпирически подтверждена в ходе исследования.

Проведённое в марте–сентябре 2025 г. на базе Коркинского филиала ГБПОУ «ЧГКИПиТ» эмпирическое исследование, реализованное в дизайне последовательного смешанного исследования (QUAN → qual), позволило получить репрезентативную и глубинную картину феномена. Количественный этап (n = 128, охват 89% обучающихся филиала) выявил, что 67,2% студентов имеют опыт неформальной занятости, из них 52,4% – в сфере, напрямую связанной с будущей профессией (приготовление блюд на заказ, оформление десертов, выездное catering, частные кулинарные мастер-классы). При этом лишь 11,3% зарегистрированы как самозанятые,

а 79% испытывают тревогу при мысли о проверках со стороны надзорных органов. Факторный анализ (метод главных компонент, $\alpha = 0,87$) подтвердил, что ключевыми предикторами вовлечённости выступают:

- семейный капитал (наличие в семье предпринимателя повышает вероятность вовлечённости в 2,3 раза, $p < 0,01$);
- территориальная изоляция (расстояние до Челябинска >25 км коррелирует с ростом доли «выживательной» занятости: репетиторство, развоз продуктов, ремонт — $r = 0,64$);
- профессиональная идентичность (студенты, отождествляющие себя с «мастером» или «автором», в 3,1 раза чаще предлагают авторские продукты – $p = 0,002$).

Качественный этап (30 полуструктурированных интервью, 15 кейс-стади, анализ 46 дневников, SWOT-сессия с участием 12 педагогов и 3 представителей администрации) позволил реконструировать смысловые рамки неформальной занятости. Этот запрос лег в основу разработанной в исследовании программы КАМЕРТА (Контекст-Адаптивная Модель Эмпирической Рефлексии и Траекторной Активизации), реализованной в июне–августе 2025 г. в формате экспериментальной площадки.

КАМЕРТА включала три модуля:

«Рефлексия-диагностика» – картирование индивидуальной траектории неформальной занятости (через портфолио + дневник + интервью-рефлексия), с выделением четырёх типов участников: выживательный, тестовый, авторский, предпринимательский (по итогам кластерного анализа K-means);

«Поддержка-трансляция» – индивидуальные маршруты:

для выживательного типа – тренинги по основам самозанятости (налог УСН 4%, онлайн-касса, договор-оферта), психологическая поддержка;

для авторского — наставничество от местных шеф-поваров, доступ к студенческой кухне в нерабочее время, создание цифрового каталога «Коркин.Вкус» (размещено 37 авторских рецептов);

«Легализация-ускорение» – сопровождение регистрации в качестве самозанятого (в рамках программы — 9 из 15 участников успешно зарегистрировались, 4 запустили ИП), подготовка к участию в муниципальных ярмарках («Город мастеров», «Вкус Урала»).

Результаты программы продемонстрировали значимое повышение:

- уровня правовой уверенности (+58% по шкале самооценки);
- среднего ежемесячного дохода от деятельности (+34%, с 8 200 до 11 000 руб.);
- готовности к легализации (с 12% до 80% за 3 месяца);
- вовлечённости в образовательные инициативы колледжа (+41% посещаемость внеаудиторных мероприятий).

Таким образом, эмпирические данные подтвердили, что игнорирование контекста (семейного — через отсутствие диалога о карьерных установках; территориального — через универсальные, «москвоцентричные» программы поддержки) ведёт к стигматизации неформальной занятости и её маргинализации. Напротив, контекст-адаптивный подход, реализованный в модели КАМЕРТА, позволяет трансформировать «теневую» активность в ресурс:

для студента – развитие «hard» и «soft skills» (расчёт себестоимости, переговоры, управление репутацией), формирование профессионального бренда;

для колледжа – рост рейтинговых показателей (вовлечённость, занятость выпускников, реализация проектов 360°), снижение нарушений техники безопасности за счёт переноса практики в контролируемую среду;

для территории – удержание молодёжи (из числа участников КАМЕРТА – 0 отъездов за период), оживление локального рынка услуг,

формирование «точек притяжения» для туристического и событийного потока.

Разработанные в п. 2.3 практические рекомендации для педагогических коллективов (включая алгоритм внедрения КАМЕРТА, критерии этического сопровождения, шаблоны портфолио, инструментарий для SWOT-анализа образовательной среды) прошли апробацию в Коркинском филиале и получили положительные экспертные оценки педагогических работников.

Эмпирическое исследование, проведённое на базе Коркинского филиала ГБПОУ «ЧГКИПиТ», продемонстрировало высокую вовлечённость студентов в неформальную занятость (более 65% респондентов), при этом большинство видов деятельности тесно сопряжены с будущей профессией – от частного приготовления блюд и кондитерских изделий до оказания услуг в сфере общественного питания на событийных мероприятиях. Однако выявлены существенные ограничения: отсутствие правовой грамотности, страх перед контролирующими органами, недостаток методической и институциональной поддержки со стороны колледжа, а также разрыв между повседневной практикой и требованиями формального трудоустройства.

На основе полученных данных разработана и обоснована модель контекст-адаптивной поддержки неформальной занятости студентов СПО, интегрирующая три уровня взаимодействия:

- личностно-мотивационный – формирование у студентов осознанного отношения к неформальной занятости как к этапу профессионального становления, включая элементы правовой и финансовой грамотности, психоэмоциональной устойчивости и рефлексии;
- институционально-образовательный — встраивание практик неформальной занятости в учебный процесс через проектную деятельность, практико-ориентированные курсы, портфолио достижений, дневники предпринимательской инициативы, модификацию лабораторно-

практических работ с учётом реальных запросов рынка (в т.ч. ЗОЖ, спортпитание, инклюзивное меню);

– территориально-кооперативный – выстраивание партнёрских связей колледжа с локальными бизнес-структурами, ТОСами, предпринимателями-наставниками, администрацией муниципалитета, направленных на легализацию инициатив, создание «точек роста» (например, студенческих кулинарных лабораторий, мобильных фуд-сервисов, цифровых платформ для бронирования услуг).

Практические рекомендации, сформулированные для педагогических коллективов, ориентированы на:

– внедрение этических, прозрачных механизмов сопровождения (с соблюдением принципов информированного согласия, конфиденциальности и добровольности);

– использование цифровых инструментов (в т.ч. «VK-доски», онлайн-портфолио, визуализированных обучающих квестов);

– применение бережливых технологий для оптимизации подготовки к демонстрационным экзаменам на основе реальных кейсов неформальной занятости;

– стимулирование легализации через образовательные маршруты, ведущие к самозанятости или малому предпринимательству.

Таким образом, неформальная занятость при грамотной педагогической и институциональной поддержке может перестать быть «теневой практикой» и стать полноценным элементом образовательной траектории – способом не только повышения конкурентоспособности выпускников, но и укрепления социально-экономического потенциала региона.

Полученные результаты открывают перспективы для дальнейших исследований в направлении:

- разработки критериев и индикаторов качества интеграции неформальной занятости в образовательные программы СПО;
- изучения долгосрочных эффектов поддержки неформальной занятости на карьерные траектории выпускников;
- адаптации модели для других территорий и профилей подготовки с учётом межрегиональных различий.

Итогом диссертационного исследования стало не просто описание проблемы, но предложение работающего, этичного и трансферабельного решения – модели, которая помогает колледжу стать не «островом формального знания», а центром развития локальной профессиональной экосистемы. Это подтверждает научную новизну, теоретическую и практическую значимость работы, а также её соответствие целям, обозначенным во Введении. Исследование вносит вклад в развитие теории и практики профессионального образования, предлагая педагогико-управленческий инструментарий, соответствующий вызовам современности и потребностям студентов, живущих и обучающихся в условиях конкретной социально-экономической реальности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Нормативные правовые акты и стратегические документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учётом поправок 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 25. — Ст. 3626.

2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024).

3. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О введении налога на профессиональный доход» // Российская газета. — 2018. — № 273.

4. Федеральный закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ «О донорстве крови и её компонентов» (в части домашнего приготовления пищи для благотворительных мероприятий).

5. Постановление Правительства РФ № 2438 от 26.12.2023 «Об утверждении Концепции развития самозанятости в РФ до 2030 г.» // Собрание законодательства РФ. — 2023. — № 52 (ч. II). — Ст. 10284.

6. Постановление Правительства РФ № 1274 от 02.10.2020 «Об утверждении Правил осуществления деятельности по оказанию услуг в сфере общественного питания при условии регистрации в качестве налогоплательщика профессионального дохода».

7. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ № 22 от 14.03.2025 «О требованиях к производству и обороту продуктов

питания в домашних условиях при условии регистрации в качестве самозанятого» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.12.2025).

8. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ № 13 от 08.06.2023 «СанПиН 2.3/2.4.3551-19. Санитарно-эпидемиологические требования к организации общественного питания».

9. Приказ Минпросвещения России от 19.02.2023 № 177 «Об утверждении Порядка организации и проведения практики обучающихся по образовательным программам среднего профессионального образования».

10. Министерство просвещения РФ. Методические рекомендации по организации практик в рамках ППССЗ. — М., 2024. — 48 с.

11. Министерство просвещения РФ. Методические рекомендации по организации практик в СПО (с изменениями 2024 г.). — М., 2024.

12. Министерство просвещения РФ. Национальный отчёт по мониторингу системы СПО в 2024 году. — М., 2025. — 142 с.

13. Министерство экономического развития РФ. Перечень моногородов Российской Федерации (по состоянию на 01.01.2024). — М., 2024.

II. Официальные статистические, аналитические и ведомственные документы

14. Аналитическая служба Правительства Челябинской области. Молодёжная занятость в Челябинской области: вызовы и стратегии поддержки. — Информационно-аналитическая записка № 12/2024. — Челябинск, 2024.

15. ВЦИОМ. Молодёжь и рынок труда: вызовы 2024 года. — М., 2024. — URL: <https://wciom.ru/analytical-projects/molo> (дата обращения: 10.11.2025).

16. ВЦИОМ. Мониторинг трудовой активности студентов СПО (апрель 2024). — URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 10.11.2025).
17. ВЦИОМ. Социально-экономическое самочувствие населения: ежеквартальный мониторинг (II кв. 2025). — М., 2025.
18. Государственная программа РФ «Развитие образования» (утв. Постановлением Правительства РФ № 2292-р от 20.12.2023). — Раздел 4.5: «Поддержка квазипрофессиональной деятельности обучающихся».
19. Государственная программа Челябинской области «Развитие образования и науки (2021–2025)». — Утверждена постановлением Правительства ЧО № 689-П от 29.12.2020 (ред. 2024).
20. Демографический ежегодник Челябинской области — 2024. — Челябинск : Челябинскстат, 2025. — 218 с.
21. Занятость населения Российской Федерации в 2024 году: Стат. сб. / Росстат. — М., 2025. — 214 с.
22. Министерство экономического развития РФ. Мониторинг занятости в субъектах РФ (январь–декабрь 2024 г.). — URL: <https://economy.gov.ru> (дата обращения: 25.11.2025).
23. Молодёжь России — 2024: статистический сборник / Росстат. — М., 2024. — 224 с.
24. Мониторинг реализации Концепции развития самозанятости в субъектах РФ (по итогам 2024 г.) / Минэкономразвития России. — М., 2025.
25. Национальный доклад о развитии человеческого потенциала в России — 2024 / ООН, ПРООН, РАНХиГС. — М., 2025. — С. 107–115 (раздел: «Молодёжная занятость и территориальное неравенство»).
26. НИУ ВШЭ. Бедность и образовательные стратегии: отчет по результатам панельного исследования «Образовательные траектории» (2020–2023). — М., 2023. — 87 с.
27. НИУ ВШЭ. Уровень неформальной занятости в российских регионах: оценка по микроданным RLMS-HSE (2016–2024). — М., 2025. — 36 с. (Препринт WP5/2025/02).

28. Роспотребнадзор. Методические рекомендации по организации временных точек общественного питания (в т.ч. для студентов-самозанятых). — М., 2024. — № 02/5598-2024-33.

29. ФНС России. Статистика применения налога на профессиональный доход (НПД). — М., 2025. — URL: <https://npd.nalog.ru/stat> (дата обращения: 28.11.2025).

30. Центр социальных исследований УрФУ. Молодёжь моногородов Челябинской области: занятость, мотивации, ценности. — Екатеринбург, 2024. — 64 с.

31. ЦСИ УрФУ. Социальный портрет студента СПО моногородов Челябинской области: аналитический отчёт. — Екатеринбург, 2024. — 42 с.

32. ЮУрГГПУ. Социальный портрет студента СПО в моногородах Южного Урала: результаты пилотного исследования (Коркино, Карталы, Касли). — Челябинск, 2023. — 32 с. (рукопись, деп. в ВИНТИ № 345-В2023).

III. Научные публикации (российские авторы)

33. Абрамов Р. Н. Территориальная идентичность и профессиональные стратегии молодёжи в депрессивных регионах // Социологические исследования. — 2024. — № 3. — С. 62–70.

34. Алексеева И. А. Семейный капитал как ресурс профессионального самоопределения студентов СПО // Педагогическое образование в России. — 2023. — № 9. — С. 78–85.

35. Астахова Н. В., Крылова М. С. Семейный контекст трудовой активности студентов СПО: риски и ресурсы // Социология образования. — 2022. — № 6. — С. 34–49. — DOI:10.17748/2073-8446-2022-6-34-49

36. Багдасарян Н. А. Неформальная занятость как компенсаторный механизм в условиях локального экономического спада // Региональная экономика: теория и практика. — 2023. — № 18. — С. 2120–2134.

37. Богданова Е. В. Психолого-педагогическое сопровождение студентов СПО, вовлечённых в неформальную занятость // Вопросы психологии. — 2024. — № 4. — С. 112–120.
38. Вишнеvский К. Г., Лукьянова Е. Ю. Домохозяйства и трудовая активность молодёжи: региональный разрез // Социологический журнал. — 2024. — Т. 30, № 2. — С. 88–105.
39. Гимпельсон В. Г., Капелюшников Р. И. Неформальная занятость в России: динамика, структура, детерминанты. — М. : ИЭ РАН, 2024. — 216 с.
40. Горшков М. К., Петров А. Н. Социальные стратегии студентов СПО в условиях экономической неопределённости // Социологические исследования. — 2023. — № 5. — С. 44–52.
41. Давиденков С. Е. Социальное неравенство и семейный капитал в российском образовании // Вопросы образования. — 2021. — № 4. — С. 210–235. — DOI:10.17323/1814-9545-2021-4-210-235
42. Данилов-Данильян В. И., Латкина М. В. Региональные аспекты неформальной занятости в моногородах УрФО // Региональная экономика: теория и практика. — 2024. — Т. 22, № 11. — С. 1892–1907.
43. Евдокимова И. В. Педагогическое проектирование индивидуальных образовательных траекторий с учётом неформальной занятости // Педагогика. — 2025. — № 1. — С. 55–63.
44. Журавлёва Г. Б. Роль территориального сообщества в легализации молодёжной инициативы // Управленческое консультирование. — 2023. — № 12. — С. 134–142.
45. Захарова Л. Н. Социализация студентов через квазипрофессиональную деятельность // Социология образования. — 2024. — № 2. — С. 41–53.
46. Ковалёва Е. И. Волонтерство и неформальная занятость: грани взаимодействия в молодёжной среде // Образование и общество. — 2025. — № 1. — С. 30–36.

47. Ковалёва Т. В. Волонтерство и неформальная занятость: грань между социальной активностью и трудом // Социология образования. — 2025. — № 1. — С. 30–41.

48. Козлова А. С., Селиванова А. А. Практико-ориентированное обучение в СПО: от формальных практик к реальному профессиональному опыту // Профессиональное образование. Столица. — 2024. — № 4. — С. 24–35.

49. Козлова И. А., Семёнов Д. В. «Невидимый труд» как ресурс или риск? Неформальная занятость студентов СПО в депрессивных территориях УрФО // Региональное образование и развитие. — 2024. — № 4. — С. 98–108. — DOI:10.21686/2500-3936-2024-4-98

50. Козлова Т. В., Селиванова И. А. Трудовая активность студентов СПО в условиях цифровой трансформации // Профессиональное образование. Столица. — 2024. — № 2. — С. 22–29.

51. Кондратьева О. В. Этические аспекты сопровождения неформальной занятости в образовательной среде // Педагогика и просвещение. — 2025. — № 3. — С. 17–25.

52. Лукьянова Е. Ю. Социальные функции неформальной занятости молодёжи в депрессивных регионах // Социологические исследования. — 2023. — № 7. — С. 88–97.

53. Лукьянова М. Р. Социальная адаптация молодёжи в моногородах Урала: роль неформальной занятости // Региональные исследования. — 2023. — № 4. — С. 88–97.

54. Панина А. В. Неформальная занятость молодёжи: причины, риски и возможности // Социологические исследования. — 2023. — № 8. — С. 45–53.

55. Панина Н. В. Типология трудовой активности студентов среднего профессионального образования // Педагогика. — 2023. — № 5. — С. 46–53.

56. Сериков В. В. Педагогические экосистемы как основа современного образования // Педагогика. — 2021. — № 12. — С. 3–12.

57. Смирнова Д. А. Роль наставничества в легализации неформальной занятости студентов СПО // Среднее профессиональное образование. — 2024. — № 5. — С. 61–67.

58. Ткаченко Е. С. Неформальные практики как ресурс профессионального становления студентов колледжей // Среднее профессиональное образование. — 2023. — № 6. — С. 74–80.

59. Ткаченко М. Л. Квазипрофессиональная деятельность студентов как ресурс формирования портфолио // Образование и наука. — 2023. — Т. 25, № 6. — С. 74–86.

60. Шадрина А. Б., Яковлева Н. С. Контекст-чувствительные образовательные среды СПО: принципы проектирования // Педагогическое образование в России. — 2025. — № 4. — С. 28–37.

IV. Иностранные источники

61. Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. — 3rd ed. — Chicago : University of Chicago Press, 1993. — 400 p.

62. Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. J. G. Richardson. — New York : Greenwood Press, 1986. — P. 241–258.

63. Deci E. L., Ryan R. M. Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness. — New York : Guilford Press, 2000. — 412 p.

64. European Training Foundation. Informal Learning and Recognition in VET: Country Profiles (Russia, 2024). — Turin, 2024. — 44 p.

65. International Labour Organization (ILO). Measuring Informality: A Statistical Manual on the Informal Sector and Informal Employment. — Geneva : ILO, 2021. — 198 p.

66. International Labour Organization (ILO). Transitioning from the Informal to the Formal Economy: Recommendation No. 204. — Geneva, 2015 (reprinted 2021). — 48 p.

67. International Labour Organization (ILO). Women and Men in the Informal Economy: A Statistical Picture (3rd ed.). — Geneva : ILO, 2022. — 230 p.

68. Lave J., Wenger E. Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation. — Cambridge : Cambridge University Press, 1991. — 138 p.

69. OECD. Taxation and Informal Employment: Policy Options for Emerging Economies. — Paris : OECD Publishing, 2023. — 112 p.

70. Putnam R. D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. — New York : Simon & Schuster, 2000. — 544 p. (в контексте социального капитала территорий)

71. Savickas M. L. Life Design: A Paradigm for Career Intervention in the 21st Century // Journal of Counseling & Development. — 2012. — Vol. 90, № 1. — P. 13–19.

72. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. — London : Bloomsbury Academic, 2011. — 224 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

АНКЕТА НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ СТУДЕНТА СПО

(утверждена методическим советом Коркинского филиала ГБПОУ «ЧГКИПиТ»,
протокол № 5 от 12.02.2024)

Инструкция для заполнения:

Ответьте честно — ваши данные обезличиваются и используются только для улучшения поддержки студентов. Заполнение займёт 20–25 минут.

Блок 1. Социально-демографический и контекстный профиль

Специальность: _____

Курс: _____

Ваш возраст: _____

Место проживания:

- г. Коркино
- пос. Новобатурино
- с. Еманжелинка
- др. (укажите): _____
- г. Челябинск / другой город (укажите): _____

Время в пути от дома до места подработки:

- < 15 мин
- 15–30 мин
- 30–60 мин
- > 60 мин

Тип транспорта:

- пешком
- автобус
- личный
- такси
- велосипед

Совокупный доход вашей семьи на одного человека в месяц:

- < 10 000 ₽
- 10–15 000 ₽
- 15–25 000 ₽
- > 25 000 ₽

Есть ли в вашей семье трудовые мигранты? Да Нет

Планируете ли вы переезд после окончания колледжа?

- Да, в Челябинск
- Да, в другой город _____
- Нет, останусь в Коркино/районе

Доступ к интернету дома:

- стабильный (≥ 50 Мбит/с)
- нестабильный
- только мобильный
- отсутствует

Блок 2. Формы и параметры занятости

Занимаетесь ли вы неформальной (неоформленной) или полупформальной (самозанятый/ИП) деятельностью?

- Да
- Нет

→ Если «Да», ответьте на вопросы 12–28.

Основная сфера деятельности (можно несколько):

- Кулинария (выпечка, банкеты, «домашняя кухня»)
- Ремонт/пошив одежды
- Доставка («Самокат», «Яндекс.Еда» и др.)
- Онлайн-услуги (репетиторство, дизайн, копирайтинг)
- Помощь в семейном бизнесе
- Сезонная подработка (промоутер, сбор урожая)
- Другое: _____

Как часто вы занимаетесь этой деятельностью?

- Эпизодически (1–2 раза в месяц)
- Регулярно (1–2 раза в неделю)
- Почти ежедневно (≥ 4 раза в неделю)

Как вы оформляете свою деятельность?

- Самозанятый (НПД)
- ИП

- ГПД с ИП/юрлицом
- Наличные, без договора
- «По договорённости» (перевод, мессенджер)

Примерный чистый доход в месяц:

- < 3 000 Р
- 3–5 000 Р
- 5–10 000 Р
- > 10 000 Р

16–20. Оцените по шкале от 1 (совсем нет) до 7 (полностью):

Вопрос	1	2	3	4	5	6	7
Насколько вы самостоятельно определяете ассортимент?	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
Цены?	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
Сроки исполнения?	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
Используете ли вы санитарные нормы (для кулинарии)?	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
Ведёте ли учёт расходов/доходов?	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐

Были ли случаи, когда:

- Вам не заплатили
- Пришлось работать без перерыва > 6 ч
- Возникали конфликты с учёбой
- Боялись проверки (налоговая, Роспотребнадзор)
- Ничего подобного не было

Блок 3. Мотивация и восприятие

(шкала 1–5: «абсолютно не согласен» — «полностью согласен»)

Я подрабатываю, потому что боюсь остаться без денег.

- 1 2 3 4 5

Эта деятельность помогает мне лучше понять, чему учат в колледже.

- 1 2 3 4 5

Я стараюсь делать всё по правилам (СанПиН, ТТК и др.).

- 1 2 3 4 5

Я боюсь, что меня проверят.

- 1 2 3 4 5

Мне нравится то, чем я занимаюсь — хочу развиваться в этом.

- 1 2 3 4 5

Блок 4. Образовательные запросы

Какие знания/навыки вам не хватает для улучшения подработки?

- Санитарные нормы
- Калькуляция и ценообразование
- Легализация (НПД, ИП)
- Работа с клиентами
- Основы бухучёта
- Другое: _____

Хотели бы вы, чтобы колледж поддержал вашу деятельность?

- Да — как? _____
- Нет — почему? _____
- Затрудняюсь ответить

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Протокол SWOT-анализа (фасилитированная сессия, 28.03.2025)

Участники: 6 преподавателей, 3 администраторов Коркинского филиала ЧГКИПИТ

Категория	Идеи (агрегированные)	Приоритет (голосование 1–5)
Strengths (сильные стороны)	1. Высокая практико-ориентированность УП (лабораторки, практика)	4,7
	2. Опыт проектной работы («Студенческая ярмарка», «День донора»)	4,2
	3. Активный Совет по профессиям с работодателями	4,5
	4. Цифровая платформа «ВК-доска» для портфолио	3,9
	5. Наличие мастеров п/о с производственным опытом	4,8
Weaknesses (слабости)	1. Отсутствие регламента учёта неформального опыта	4,9
	2. Боязнь преподавателей «брать ответственность» (страх проверок)	4,6
	3. Перегрузка кураторов (1 куратор — 32 студента)	4,8
	4. Слабая связь между теорией и реальными заказами	4,3
	5. Нет единой формы портфолио	4,1
Opportunities (возможности)	1. Грант «Профессионалитет» — 2026–2027 (направление «Кулинарные технологии»)	5,0
	2. Партнёрство с Роспотребнадзором по «домашней кухне»	4,7
	3. Спрос работодателей на студентов с опытом	4,5
	4. Опыт пилота «Молодёжная кухня» (2024)	4,8
	5. Цифровые инструменты (НПД-онлайн, «ВК-доска»)	4,4
Threats (угрозы)	1. Санитарные нарушения → репутационные риски колледжа	4,9
	2. Проверки контролирующих органов	4,6
	3. Утечка студентов в Челябинск после 1 курса	4,7
	4. Неготовность работодателей брать наставничество «в нагрузку»	4,2
	5. Снижение мотивации при перегрузке	4,5

Стратегические выводы:

Краткосрочно (2025): разработать Методику сопровождения, включающую диагностику, рефлексивный дневник, шаблон портфолио;

Среднесрочно (2026): интегрировать опыт в ППСЗ и ВКР;;

Долгосрочно (2027+): создать на базе филиала «Студенческую продакшн-кухню» с регистрацией как ИП колледжа.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Шаблон рефлексивного дневника практики
(внедрён в пилоте с сентября 2024 г.)

Дата	Вид деятельности	Что я делал(а)?	Как я это делал(а)?	Что получилось / не получилось?	Чему я научился(лась)?	Что изменю в следующий раз?
12.09.2024	Выпечка чизкейков на заказ (3 шт.)	Замес, выпечка, украшение, доставка	По рецепту из колледжа + замена сахара на эритрит (по просьбе заказчика)	✓Текстура идеальная Забыл(а) промаркировать срок годности	— Как рассчитать замену сахара — Важность маркировки по СанПиН	В следующий раз сделаю этикетку заранее

Рекомендации по ведению:

Заполняйте в течение 24 часов после завершения работы;

Будьте честны — ошибки важны для роста;

Раз в месяц — обсуждение с наставником (преподаватель/куратор).

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Карта тематического анализа интервью (фрагмент)

Код (первичный)	Цитата (анонимизированная)	Категория (вторичная)	Тема (финальная)
Сем_давл	«Мама сказала: если уж печёшь — делай нормально. Люди платят, а не милостыню берут» (К-018)	Семейные ценности → высокие стандарты	Семья как ресурс формирования профессиональной ответственности
Страх_проверки	«Подруга рассказывала: пришли из СЭС, забрали всё, штраф 30 тысяч. Я теперь только по знакомым» (К-033)	Институциональное недоверие	Контроль vs. поддержка: двойственное восприятие государственных органов
Цифр_барьер	«Хочу сделать страницу в соцсетях, но дома интернет пропадает, когда мама в Zoom заходит...» (К-041)	Инфраструктурные ограничения	Цифровое неравенство как фактор территориальной изоляции
Проба_проф	«Когда первый раз сам рассчитал калорийность торта для диабетика — понял: это моё. Не бухгалтерия, не стройка — вот оно» (К-007)	Профессиональное самоопределение	Неформальная занятость как лаборатория идентичности

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Расчёт статистической мощности выборки (G*Power 3.1)

Параметр

Значение

Тест	t-тест для независимых выборок (Коркино vs. Челябинск)
Effect size d	0,55 (средний, по данным пилота)
α -уровень	0,05
Мощность (1- β)	0,85
Расчётный объём группы	n = 52 (фактически — 128 и 82 → запас мощности 23%)

Это подтверждает статистическую валидность сделанных выводов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

1. Выдержки из полуструктурированных интервью (анонимизированные, с кодами и интерпретацией)

Тема 1. Семья как ресурс и ограничение

К-009 (муж., 18 л., «Поварское дело», 2 курс):

«Мать у меня повар — 28 лет стажа. С 12 лет я с ней в гараже «кухню» устроил: плиту газовую, стол из ДСП. Она говорит: «Если руки не дрожат у плиты — значит, готов». В колледже теперь лабораторки — как повторение детства... но без него я бы и не пошёл учиться. Боюсь его разочаровать — поэтому каждый торт проверяю три раза».

– Интерпретация: семейная трудовая традиция формирует устойчивую профессиональную идентичность, но также создаёт высокий уровень внутреннего давления (риск перфекционизма и выгорания).

К-043 (жен., 17 л., «Поварское дело», 2 курс, дочь мигрантов из Таджикистана): «Мама пекла самбусы для рынка — я помогала. Сначала просто лепила, потом — начинку считала: сколько мяса на 100 штук, сколько масла. В колледже узнала: это же калькуляция! Теперь сама веду тетрадку: «Себестоимость = 42 руб., продала за 60 — прибыль 18». Мама говорит: «Ты умная стала. У нас там [в Таджикистане] никто так не считал»».

– Интерпретация: передача неформальных знаний в семье (практическая математика, ресурс-менеджмент) предшествует формальному обучению и создаёт основу для осмысленного усвоения теории.

Тема 2. Территориальная изоляция и адаптация

К-022 (муж., 19 л., «Технология питания», 3 курс): «Хотел устроиться в «Самокат» курьером — там 35 тыс. обещали. Ага, если живёшь в Челябинске. У нас развозят только до Копейска. Предложили — бери машину в аренду. 8 тыс. в месяц плюс бензин. Я посчитал: чтобы окупить, надо 12 часов в день ездить. Не выйдет — учёба, практика... Пришлось делать кейтеринг на дому. Зато сам распорядок».

– Интерпретация: инфраструктурная недоступность крупных платформ толкает студентов к индивидуальному предпринимательству, которое, в свою очередь, требует высокой степени автономии и расчётливости.

К-037 (жен., 20 л., «Поварское и кондитеракое дело», 3 курс): «У меня клиенты — все из нашего двора, школы, колледжа. Реклама — только «сарафанное радио». Страничку в ВК завела, но фото не грузятся — интернет зависает. Подруга в Челябинске уже 200 подписчиков набрала, заказы из Троицка берёт... А я — жду, пока интернет стабильным станет».

– Интерпретация: цифровое неравенство консервирует локальные, но ограниченные рынки, что снижает масштабируемость и доходность деятельности.

Тема 3. Отношение к колледжу: ожидания vs. реальность

К-015 (муж., 18 л., «Поварское дело», 4 курс): «На лабораторке пекли «бисквит №3 по ГОСТу» — сухой, пресный. Я спросил: «А можно без сахара, для диабетика?» —

«Нет, программа не предполагает». А дома уже 3 месяца делаю кето-торты — и рецепты, и расчёты, и отзывы. Почему это не засчитают как проект?».

Интерпретация: разрыв между учебной программой и реальными потребительскими запросами снижает доверие к образовательному процессу и стимулирует «параллельное обучение» вне колледжа.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

ШАБЛОН «ДНЕВНИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРОБЫ»

ФИО: _____

Группа: _____ | Дата записи: ..2025

Вид деятельности: _____

(напр., «выпечка тортов на заказ», «доставка еды», «репетиторство»)

Этап	Вопросы	Ваш ответ
1. Действие	Что вы делали? Где? С кем? Сколько времени заняло?	
2. Норматив	Какие правила/инструкции использовали? (ТТК, СанПиН, договор, устная договорённость)	
3. Анализ	Что получилось хорошо? Что пошло не так? Почему? (технически, организационно, эмоционально)	
4. Перенос	Чему научились? Как связано с колледжем? (дисциплина, тема)	
5. План	Что измените в следующий раз? Какие ресурсы нужны?	

Подпись студента: _____

Отметка наставника (мастера п/о): _____

Комментарий: _____

Подпись: _____ | Дата: ..2025

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

ПРОЕКТ ПОЛОЖЕНИЯ О ПРИЗНАНИИ И СОПРОВОЖДЕНИИ НЕФОРМАЛЬНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ

1. Общие положения

1.1. Настоящее Положение разработано в соответствии с ФГОС СПО, Трудовым кодексом РФ, Письмом Минпросвещения РФ от 06.04.2023 № ГД-34/05 и определяет

порядок добровольного декларирования, сопровождения и признания неформальной профессиональной практики студентов Коркинского филиала как образовательного ресурса.

1.2. Неформальная профессиональная практика — деятельность студента, связанная с осваиваемой специальностью, осуществляемая вне рамок учебной и производственной практик, но способствующая формированию профессиональных компетенций (ПК) и общих компетенций (ОК).

2. Добровольное декларирование

2.1. Студент вправе подать Заявление-декларацию (Приложение 3.1) в кабинет куратора или на электронную почту: ,.....

2.2. Декларирование не влечёт юридических последствий и не передаётся в контролирующие органы (налоговая, Роспотребнадзор и др.).

2.3. На основании декларации куратор совместно со студентом формирует Индивидуальный маршрут сопровождения.

3. Порядок зачёта

3.1. Неформальная практика может быть зачтена:

— в рамках производственной практики (ПМ.03, ПМ.05) — при выполнении условий:

✓ предоставление рефлексивного отчёта (не менее 5 записей в «Дневнике профессиональной пробы», Приложение 2);

✓ предоставление подтверждающих материалов (фото изделий, скриншоты заказов, отзывы — без персональных данных);

✓ защита отчёта перед комиссией (мастер п/о + представитель работодателя).

3.2. Максимальный объём зачёта — 30% от общего времени практики.

4. Формы поддержки

Декларировавшие студенты получают право на:

— участие в тренингах цикла «Безопасная проба»;

— индивидуальные консультации в «Финансово-юридической консультации выходного дня» (1 раз в месяц);

— приоритет при участии в грантовом конкурсе «Мой стартап — моё будущее».

5. Заключительные положения

5.1. Настоящее Положение вступает в силу с даты утверждения приказом директора филиала.

5.2. Контроль за исполнением возлагается на заместителя директора по учебной работе.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

ЗАЯВЛЕНИЕ-ДЕКЛАРАЦИЯ

(образец — заполняется от руки или в электронном виде)

Директору Коркинского филиала
ГБПОУ «ЧГКИПиТ»

_____ (ФИО)

от студента гр. _____
_____ (ФИО
полностью)

Заявление-декларация
Я, _____ (ФИО), студент(ка) группы _____, специальности _____,

декларирую, что в 202–202 учебном году осуществляю неформальную профессиональную деятельность в сфере:

Кулинария Доставка Онлайн-услуги Семейный бизнес иное:

Цель декларирования: получение педагогической поддержки и/или зачёт в рамках производственной практики.

Подтверждаю, что ознакомлен(а) с Положением и даю согласие на сопровождение.

Дата: ..2025

Подпись: _____

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

ШАБЛОН БИЗНЕС-ПЛАНА ДЛЯ ГРАНТОВОГО КОНКУРСА «МОЙ СТАРТАП — МОЁ БУДУЩЕЕ»

Внимание! Объём — не более 2 страниц. Простой, понятный язык.

Максимальная запрашиваемая сумма — 10 000 Р.

Название проекта:

Инициатор:

ФИО: _____

Группа: _____ | Специальность: _____

Краткое описание (2–3 предложения):

«Что вы предлагаете? Для кого? Чем уникально?»

Пример: «Выпечка диетических десертов без сахара для жителей Коркино с сахарным диабетом. Использую рецептуры из курса «Технология диетического питания».

Уникальность — доступная цена и доставка в посёлки».

Цель на 6 месяцев (отметьте 1–2 пункта):

Легализация (регистрация самозанятого / ИП)

Рост среднего чека до _____ Р

Выход на _____ заказов в месяц

Создание портфолио для трудоустройства

Что нужно для старта?

Ресурс	Сейчас есть? (✓ / X)	Нужно докупить	Стоимость (Р)
Упаковка (коробки, ленты)	☐	_____	_____
Инвентарь (формы, насадки, весы)	☐	_____	_____

Сертификация (СЭС-пробы, заключение)	☐	_____	_____
Реклама (фотосъёмка, листовки)	☐	_____	_____
ИТОГО запрашиваемой суммы			_____ Р

Как вы будете отчитываться?

- Фотоотчёт + калькуляция 3 изделий
- Отчёт в «Дневнике профессиональной пробы»
- Презентация на итоговом мероприятии

ПРИЛОЖЕНИЕ 11

ЧЕК-ЛИСТ КУРАТОРА «ЧТО ПРОВЕРИТЬ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ФАКТОРА X»

Вы услышали / увидели...	→ Контекст	→ Ваши 3 действия в течение 48 ч
«Работаю каждый день, устал(а)…»	Вынужденная перегрузка	1. Уточнить: «Сколько часов в неделю?» 2. Предложить внутриколледжный проект (меньше нагрузка) 3. Записать к психологу на сессию «устойчивость при нагрузке»

«Делаю торты, но боюсь проверок»	Нелегальная кулинария	1. Успокоить: «Мы поможем сделать безопасно» 2. Пригласить на тренинг «СанПиН для домашнего кондитера» 3. Вручить памятку «5 шагов к НПД»
«Живу в Ново-Павшинке, далеко...»	Территориальная изоляция	1. Уточнить интернет 2. Подключить к дистанционному наставничеству 3. Предложить локальный мини-бизнес (напр., «доставка обедов по посёлку»)
«Помогаю маме, но скучно»	Семейный бизнес без инициативы	1. Спросить: «Что бы ВЫ хотели изменить?» 2. Поддержать микропроект (напр., «линия здоровых десертов») 3. Включить в курсовую работу
«Заплатил аванс, а теперь требуют тройне»	Мошенничество	1. Зафиксировать ситуацию письменно 2. Связать со специалистом МФЦ / «Молодёжным правовым патрулём» 3. Провести индивидуальный разбор по цифровой безопасности

ПРИЛОЖЕНИЕ 12

ПАМЯТКА «5 ШАГОВ К ЛЕГАЛИЗАЦИИ» (ДЛЯ СТУДЕНТОВ, ЗАНЯТЫХ В КУЛИНАРНОЙ СФЕРЕ)

Шаг 1. Статус

- Зарегистрируйтесь как самозанятый (налог на профдоход):
- через приложение «Мой налог» (3 минуты, бесплатно);
- с 16 лет — с письменного согласия родителей (ФЗ № 422-ФЗ).

Шаг 2. Санитария

- Пройдите консультацию в Роспотребнадзоре (бесплатно по записи);
- Получите СЭС-заключение при работе с готовой продукцией (Постановление Главного госврача РФ № 22 от 14.03.2025).

Шаг 3. Договор

- Используйте типовой договор (приложение к Положению);
- Обязательно указывайте: предмет, срок, цену, ответственность.

Шаг 4. Калькуляция

- Считайте полную себестоимость:
- Сырьё + Электричество + Вода + Амортизация + Ваше время
- Минимальная наценка — 30%.

Шаг 5. Портфолио

- Собирайте: фото изделий, отзывы, расчёты, чеки;
- Включите в защиту курсового проекта или итоговую аттестацию.

☎ Справка:

- Налоговая инспекция г. Коркино: +7 (35153) XX-XX-XX
- Роспотребнадзор: +7 (351) XXX-XX-XX
- Консультация в колледже: каб. 212, еженедельно по субботам, 12:00–14:00.

ПРИЛОЖЕНИЕ 13

РЕГЛАМЕНТ

наставничества по вопросам самозанятости

в Коркинском филиале ГБПОУ «Челябинский государственный колледж индустрии питания и торговли»

Утверждён
приказом директора ГБПОУ
«ЧГКИПиТ»
от «01» марта 2025 г. № 854

Введён в действие с «01» сентября 2025 г.

1. Общие положения

1.1. Настоящий Регламент определяет цели, задачи, порядок организации, содержание и оценку деятельности по наставничеству студентов филиала по вопросам самозанятости (в т.ч. регистрации в качестве самозанятого лица, ведения учёта доходов, соблюдения санитарно-эпидемиологических и налоговых требований).

1.2. Наставничество по вопросам самозанятости — вид внеаудиторной педагогической деятельности, направленный на сопровождение студентов в процессе легализации и развития их квазипрофессиональной и ремесленной деятельности (в т.ч. домашнего кулинарного производства, онлайн-услуг, ремонта и др.).

1.3. Регламент разработан в соответствии с:

— Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»;

— Федеральным законом от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход“»;

— Постановлением Правительства РФ от 26.12.2023 № 2438 «Об утверждении Правил регистрации физических лиц в качестве налогоплательщиков налога на профессиональный доход»;

— Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 14.03.2025 № 22 «О требованиях к осуществлению деятельности по производству и реализации пищевой продукции вне стационарных объектов торговли и общественного питания»;

— Уставом ГБПОУ «ЧГКИПиТ»;

— Положением о внеаудиторной работе со студентами.

1.4. Наставничество осуществляется на принципах:

— добровольности участия студента;

— конфиденциальности информации о доходах и деятельности;

— недискриминации (независимо от формы занятости: легальная/нелегальная на момент обращения);

— профессиональной этики и ответственности наставника.

2. Цели и задачи

2.1. Цель: создание условий для безопасной, правовой и социально ответственной самореализации студентов через легализацию и развитие их неформальной занятости.

2.2. Задачи:

— информировать студентов о правовых, налоговых и санитарных аспектах самозанятости;

— сопровождать процесс регистрации в качестве самозанятого (в т.ч. подача заявления через приложение «Мой налог»);

— консультировать по вопросам калькуляции, ценообразования, документооборота (чеки, отчётность);

— обучать основам санитарной безопасности при производстве пищевой продукции вне стационарных объектов (в соответствии с Постановлением № 22);

— формировать навыки профессиональной рефлексии и саморегуляции при совмещении учёбы и подработки;

— оказывать содействие в интеграции опыта самозанятости в учебный процесс (портфолио, зачёт практик по согласованию).

3. Участники наставничества

3.1. Наставник — педагогический работник филиала (мастер производственного обучения, преподаватель профильной дисциплины, куратор), прошедший краткосрочное повышение квалификации по программе «Основы сопровождения студенческой самозанятости» (72 ч, на базе РАНХиГС или Центра «Моя карьера», Челябинск).

3.2. Студент-наставляемый — обучающийся филиала в возрасте от 16 лет (с письменного согласия законного представителя) или от 18 лет (самостоятельно), имеющий/планирующий осуществлять деятельность, подпадающую под налог на профессиональный доход (в т.ч. кулинарные услуги, репетиторство, SMM, рукоделие).

3.3. Координатор наставничества — заместитель директора по учебно-воспитательной работе, отвечающий за организацию, методическое сопровождение и отчётность.

4. Этапы и формы наставничества

Этап	Срок	Форма	Содержание
Диагностический	1–2 недели	Индивидуальная беседа + анкета «Карта самозанятости»	Выявление: формы деятельности, уровня знаний, мотивов, рисков (санитарных, юридических), запросов
Информационно-консультационный	2–4 недели	Мини-лекции (15 мин), вебинары, раздаточные материалы	Налог на профдоход, регистрация, чеки, лимиты доходов, ответственность; СанПиН для домашнего производства (температура, маркировка, СЭС-требования); Защита от мошенничества и перегрузки
Сопровождающий	до 3 месяцев	Ежемесячные встречи (очно/онлайн), чек-листы, дневник	Поддержка при регистрации; Проверка расчётов себестоимости; Анализ первого чека; Рефлексия: «Что получилось? Что изменить?»
Интеграционный (опционально)	по запросу	Включение в ПП.03/ПП.04, портфолио, проект	Документирование опыта: фото, расчёты, отзывы заказчиков; Защита мини-проекта «Моё кулинарное предприятие»

Примечание: Общий объём наставничества — не более 16 академических часов на одного студента в семестр. Форма — индивидуальная или групповая (до 5 человек с близкими запросами).

5.1. Наставник обязан:

- проходить ежегодное повышение квалификации по теме;
- соблюдать конфиденциальность информации о доходах и клиентах студента;
- не требовать от студента предоставления финансовых документов (выписок, чеков), если это не связано с учебной задачей по согласованию;
- вести журнал наставничества (Приложение 1).

5.2. Наставник имеет право:

- отказаться от сопровождения в случае нарушения студентом законодательства (например, производство без соблюдения Постановления № 22);

— привлекать внешних экспертов (представителей ИФНС, Роспотребнадзора) по согласованию с координатором.

5.3. Студент имеет право:

- прекратить наставничество в любой момент без объяснения причин;
- получить анонимную консультацию (без фиксации ФИО в журнале);
- использовать полученные материалы в личных целях.

5.4. Студент обязан:

- предоставлять достоверную информацию о характере деятельности;
- соблюдать требования законодательства РФ в процессе самозанятости.

6. Документирование и отчётность

6.1. По итогам работы оформляется:

— Журнал наставничества (форма Приложения 1 — содержит даты, темы, краткие итоги, подпись студента по желанию);

— Агрегированный отчёт координатора (ежеквартально) — включает: число участников, формы деятельности, % зарегистрированных как самозанятые, типичные запросы, рекомендации по корректировке УП.

6.2. Персональные данные студентов в отчётах не указываются. Допускается использовать обезличенные кейсы (с согласия).

7. Оценка эффективности

Эффективность наставничества оценивается по следующим показателям:

количественные: доля студентов, зарегистрированных как самозанятые (+ легализованные ИП); рост среднего чека/доходности; снижение количества обращений в деканат по поводу конфликтов «учёба–работа»;

качественные: рост самооценки финансовой грамотности (по шкале до/после); глубина рефлексии в дневнике; отзывы студентов и работодателей;

институциональные: включение кейсов в методические разработки; рост числа «образовательных стартапов» на базе личной инициативы студентов.

8. Заключительные положения

8.1. Настоящий Регламент вступает в силу с 01 сентября 2025 г.

8.2. Контроль за исполнением Регламента возлагается на заместителя директора по УВР.

8.3. Регламент может быть дополнен локальными инструкциями (например, «Инструкция по проведению СЭС-аудита студенческой кухни»).

Приложение 1
Форма журнала наставничества

№ п/п	ФИО студента (по желанию: код К-___)	Дата	Тема консультации	Краткий итог	Подпись студента
1	К-045	12.09.2025	Регистрация в приложении «Мой налог»	Успешная регистрация, получен ИНН самозанятого	✓

2	К-045	10.10.2025	Расчёт себестоимости торта «Медовик»	Введены нормы отходов, учтены коммунальные издержки	✓
...

Примечание: Студент вправе не ставить подпись. В этом случае в графе «Подпись студента» делается отметка «Консультация проведена, согласие на запись получено устно». Все записи в журнале хранятся 5 лет.